

ФОРМАЛЬНОСТЬ

РОМАН

18+

ПАВЕЛ ФЁДОРОВ

Павел Фёдоров
Формальность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Фёдоров П. Ю.

Формальность / П. Ю. Фёдоров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга о жизни в самом прямом её понимании. В какой-то степени в книге имеют большее значения диалоги о жизни людей (о том, какой мы видим её и как к ней относимся), чем те вопросы, которая ставит перед каждым человеком сама жизнь. Прислушаться к ней, о чём она нам говорит, что её волнует или радует, вот об этом и написана эта книга.

- Как ты жил всё это время? Ты любил кого-нибудь?
- Не знаю.
- Обо мне ты помнил?
- Помнил, но не всегда. Только когда мне было плохо.
- Мне кажется, что мы кем-то обмануты, и чем больше будет длиться этот обман, тем ужаснее всё кончится для тебя ... Как мне помочь тебе?

(из фильма А. Тарковского «Солярис»)

Академик уверенным быстрым шагом шёл в обсерваторию. Вид его был угрюмым и на лице проступало выражение озлобленности, даже жестокости. Все знали, что в такие моменты лучше на глаза ему не попадаться, потому в Академии все как будто вымерли, стояла абсолютная тишина и пустота. Войдя в прозрачный гигантский купол с обозначенными схемами созвездий и хронометрами Вселенной Академик встал посередине и замер, глядя в упор на Полярную звезду. Хотя, в данный момент, на службе в обсерватории должно было быть полно народу, но, только прослышав о том, что сюда направляется Главный Академик весь персонал в панике разбежался кто куда, потому он был здесь один. Он стоял и смотрел исподлобья на звезду, что-то обдумывая, потом неожиданно поднял над головой свой длинный посох с большим кристаллом в основании, размахнулся и что есть силы грохнул им по блоку управления. Осколки разлетелись в разные стороны, наступила кромешная темнота, Вселенная погасла.

– Чудовище, – громоподобным голосом, сколько есть силы заорал Академик, – бесчувственное чудовище... я ненавижу и призираю тебя, убей же меня... – Академик тихо опустился на колени, склонился, потом медленно повалился на пол и замер, лёжа на спине с широко открытыми глазами.

~~~~~  
– Чей труд запечатлён в веках и радость  
К чему теперь стремиться стать и быть  
Не всё так было как могло случиться  
О чём теперь мечтать как с этим жить?  
~~~~~

***

Наступил день летнего солнцестояния. Ранним утром, когда солнце ещё не показалось из-за гор, по узкой горной тропе в долину спускался юноша лет двадцати. У него были светлые выцветшие густые волосы, не доходившие до плеч, и светло-голубые почти прозрачные глаза. Он был довольно высокого роста, сильное жилистое обнажённое тело, которое никогда не знало одежды, было почти чёрным от загара, даже с лиловым оттенком. Через плечо у него был перекинут свёрнутый короткий плащ из толстой грубой шерсти, которым он пользовался только в качестве подстилки при ночлеге на камнях или земле. До Храма было ещё довольно далеко, но он рассчитывал добраться до него не позже чем до захода солнца, предстояло ещё пересечь долину и подняться на вершину к самому Храму.

Огромный каменный Храм стоял высоко, на самой вершине скалы. Глядя на него снизу создавалось впечатление, что он был вырезан в самой скале и является её естественной вершиной. Но, так ли это было или нет никто не знал, да и не задавался, по правде, таким вопросом. Каждый год в день летнего солнцестояния только юноши ровно двадцати лет могли попробовать пройти испытания и поступить на государственную службу. Не брались те, кому не было

ещё двадцати лет или были старше, а также кто успел уже обзавестись семьёй. Перед воротами, закрывающими вход на территорию Храма, на большой площади каждый юноша навсегда прощался с родными и близкими и вообще со всеми, кого знал, так как они с этого момента больше не увидятся. Никогда не было сожалений или слёз при прощании, наоборот, это был всенародный праздник, где собиралось множество людей, чтобы поприветствовать тех, кто выбрал служение государству и народу. Перед широкими воротами каждый юноша снимал свою одежду и обнажённым, с пустыми руками переступал заветную черту и уходил по мощённой каменной дороге, ведущей к Храму, скрываясь постепенно за деревьями и кустами.

~~~~~  
– Всё в мире сущем всё думает лишь о Тебе  
В Тебе мой свет моя любовь к Тебе  
Все помыслы лишь слово скажешь  
Всё сбудется в моей судьбе!  
~~~~~

Юноша подошёл к воротам, когда солнце уже было у самого горизонта. Площадь была абсолютно пуста. Он расстелил свой плащ на камне и сел на него неподалёку от ворот, в проёме которых, преграждая вход, стояли две непроницаемые фигуры Смотрителей, облачённые в длинные до земли белые одежды.

Оставалось всего несколько минут до того, как солнце скроется за горизонтом, юноша встал с камня подошёл к воротам и остановился перед ними. В тот момент, когда солнце осветило последним лучом Землю, он переступил черту и пошёл по каменной дороге, услышав, как за его спиной сразу захлопнулись ворота.

~~~~~  
– Во всём ли так уж ты безгрешен  
С тобой ли Я сверял все помыслы свои  
Или мечты надежды страхи?  
Всеми пришёл конец скажи – Кто Ты?  
~~~~~

Уже в темноте он вышел к Храму, поднявшись по широкой каменной лестнице подошёл к высоким дверям главного входа. Перед входом стоял Смотритель, заслоняя проход, юноша остановился перед ним.

– Войдя внутрь предстанешь перед Хранителями и получишь своё значение! – Смотритель отошёл в сторону, пропуская его.

Переступив порог Храма, юноша оказался в очень узком и высоком каменном проходе. Пройдя метров десять почти боком по проходу, он вышел в огромный, уходящий ввысь прямоугольный зал, освещаемый горящими масляными лампами, стоящих повсюду на треножниках. Под ногами был жёсткий и сырой очень мелкий светлый песок, на нём очень хорошо были видны множественные следы, расходившиеся от входа в разные стороны. Повсюду в стенах были всевозможные двери, проходы, лестницы, ведущие на второй, третий и выше ярусы, где тоже были различные двери и проёмы. Войдя в зал, он остановился и очень долго стоял неподвижно, только внимательно изучая глазами всё вокруг. Потом, видимо приняв решение, он повернул направо, прошёл вдоль стены до угла и открыл низкую деревянную дверь, наклонившись, прошёл в узкий проход. Через несколько метров в темноте почти на ощупь он дошёл до крутой и узкой каменной лестницы, ведущей вниз. Откуда-то снизу шёл тусклый голубоватый свет, который позволял видеть только контуры лестницы. Ступеньки были настолько узкие, что

ступня и то не полностью помещалась только вдоль. Ступеньки не были ровными, они были немного вогнуты внутрь и по краю были острыми как гребёнка, потому уже через некоторое время его ступни были изрезаны, впрочем, как и пальцы на руках, которыми он цеплялся за края ступеней, руки и ноги были в крови. С трудом удерживая равновесие и дрожа от напряжения, он всё спускался и спускался вниз, но при этом становилось все более светло и одновременно очень холодно. Он уже мог различать каменные стены, покрытые инеем, обледеневшую ступеньку, на которую он ставит ногу. Наконец ледяная лестница закончилась, юноша в изнеможение опустился на пол, чтобы немного передохнуть, ноги не держали и буквально подгибались от усталости. Было очень холодно, сидеть долго на камне было совершенно невозможно, потому что всё было покрыто толстым слоем инея, изо рта шёл пар, пришлось встать и довольно долго идти по белому ледяному проходу. Руки и ноги окоченели, всё тело сковывало от тупой ноющей и изнуряющей боли, но юноша как будто не замечал ни боли, ни холода, он шёл вперёд к яркому свету, который был виден впереди, сначала как далёкая лампа, потом, расширяясь, всё больше и больше, пока не вышел на открытое пространство сводчатого очень высокого и широкого зала, ярко освещённого невидимыми лампами. И слева, и справа вдоль стен в ряд стояли огромные, сделанные из абсолютно чёрного камня саркофаги с обращёнными каменными лицами вверх.

– Каких же исполинских размеров должны быть те, кто лежит здесь!? – совершенно поражённый увиденным воскликнул юноша.

Он ходил вдоль саркофагов, совсем забыв о холоде и усталости, прикасаясь к ним руками и заглядывая в их каменные бесстрастные лица. Потом, сообразив, что надо поскорей уходить отсюда, потому что холод начал сковывать его насквозь, юноша как мог быстрее пошёл дальше, к выходу. Дойдя уже с большим трудом, наконец, до конца зала он увидел небольшой бесформенный проём, как будто это был не выход из пещеры, а просто обвалившаяся небольшая часть стены, согнувшись, он пролез внутрь, по узкому низкому проходу пополз на четвереньках и через несколько метров оказался перед каменной лестницей. Лестница уходила почти вертикально вверх, а ширина ступенек была ещё уже, чем при спуске, к тому же они были все полностью покрыты льдом.

~~~~~  
– Кто Ты? О чём поведать Ты готов?

И мы – кто для Тебя?

Ответишь только за Себя!

Не более того что «заслужил».

~~~~~

Юноша сидел на ледяном полу, понимая, что ему не подняться наверх. Он думал о том, что должно пройти всего несколько часов, чтобы он здесь окончательно замёрз, но пока он двигается ещё имеется какой-то шанс выбраться отсюда, а если так останется сидеть, то ледяной камень неумолимо заберёт себе последнее тепло в нём и силы. На четвереньках он подполз к лестнице и посмотрел вверх, там наверху была крошечная темнота. Опираясь на ступеньки руками, он поднялся на ноги и попробовал поставить ногу на ступеньку, но сразу понял, что уверенно встать на неё нет никаких шансов, бесчувственная от холода ступня соскальзывала. Он выпрямился во весь рост и поднял руку как можно выше, чтобы нащупать там ступеньку, но неожиданно отчётливо почувствовал, что на высоте кисти вытянутой руки воздух значительно теплее, чем даже на уровне головы. Там тепло, причём это совсем рядом сразу начал быстро соображать юноша, надо только туда как-то добраться. Он ощупывал двумя руками края ступеньки, до которой смог дотянуться и найдя небольшую ложбинку вдоль ступеньки, зацепившись кончиками пальцев за неё, немного подтянулся, потом быстро перехватил одной

рукой и зацепился пальцами за ступеньку, которая была ещё выше, опять немного подтянулся и через три подтягивания он смог уже поставить кое-как одну ногу и немного передохнуть, прилипнув к стене, как паук. Он лез и лез вверх по ступенькам потеряв им счёт, при этом заставлял себя хоть немного отдохнуть через каждые три четыре ступеньки, но расслабиться, хоть на короткое момент, не получалось. В кромешной темноте он полз по стене и ему казалось, что прошла целая вечность, и вот наконец юноша остановился, он даже не почувствовал этого, а скорее понял, с трудом пробиваясь сквозь отупение, что он сейчас упадёт вниз, пальцы были изрезаны до костей острыми краями каменных ступенек, ноги тоже были не в лучшем состоянии, к тому же они больше не слушались и подгибались, как тряпки, он уже ничего не воспринимал вокруг, голова кружилась, и апатия ко всему происходящему уже захватила, силы закончились окончательно, держать себя было нечем. Он на короткое мгновение оторвал от ступеньки и поднял в последний раз руку и ничего не нащупал сверху, лестница закончилась, скорее интуитивно констатировал он, причём совсем рядом чуть выше головы, но как-то надо было заползти в нишу, которая была так близко и одновременно так далёко. Надо было как-то встать хоть немного на ноги, а сил не было, он еле-еле ещё удерживался пальцами, просто сидя на онемевшей ноге, которая вот-вот должна была сорваться со ступеньки. Юноша, понимая, что времени ему осталось несколько минут, а может быть секунд, судорожно начал соображать, что необходимо хоть на совсем короткое время сменить точку опоры, чтобы дать затёкшей и онемевшей хотя бы одной руке или ноге обеспечить приток крови, этой энергии хватит на одно усилие. Тогда он, нащупав лицом ближайшую ступеньку, зубами крепко сжал её каменный край и сразу рывком забросил руку, как плеть наверх, которая шмякнулась безвольной тряпкой о горизонтальную каменную поверхность, нога уже сползала, но он успел упереться локтем – опора есть. Он на мгновение застыл в такой позе, плечо упиралось и держало его. Потом он опять лицом нащупал край ниши и снова зубами крепко сжав выступ, резко забросил вторую руку, повиснув на локтях. Поверхность ниши была бугристой с трещинами в камнях, потому юноша, зацепившись за выступы ногтями держал себя, чтобы не сползти. Чувствовалось, как повисшие ноги чуть-чуть, но уже оживают. Он нащупал ногой ступеньку опёрся о неё и стал тихонько, не торопясь, упираться локтями и ногой понемногу приподнимать себя и вот он перевалился на горизонтальную поверхность ниши на живот и бессильно застыл в такой нелепой позе с повисшими вниз ногами, зацепившись ногтями за крохотные трещинки в камне. Чуть отдохнув он осторожно, чтобы не соскользнуть, забрался наконец в нишу и долго лежал, вытянувшись на спине в забытьё в кромешной темноте и тишине.

~~~~~  
– Невольно захочу поведать о Себе  
Как сразу пресекаешь речь Мою  
Я о Себе тебе твержу но ты молчишь  
И Я смолчу о том что думаю лишь о тебе.  
~~~~~

Очнувшись, он чувствовал, что в какой-то степени даже отдохнул и немного окреп. Нащупав руками стену, он сел, облокотившись о неё спиной, и сразу почувствовал на своём лице еле уловимое движение воздуха. Откуда-то дует ветер понял он, попробовал встать осторожно на ноги, но упёрся спиной в потолок и тогда на коленях, тихо, ощупью стал пробираться вперёд вдоль стены, пока метров через пятьдесят путь не преградила сплошная стена. На ощупь стена была гладко отполированной, в отличие от боковых необработанных скальных стен. Юноша изо всех сил попытался сдвинуть её, но ничего не получилось, ощупывал руками поверхность, стараясь найти хоть что-нибудь, но стена была идеально гладкой. Он долго сидел, облокотившись о неё спиной и размышлял о том, что все усилия всё равно оказались похоже

напрасными, он был в тупике. Неожиданно его рука непроизвольно чуть задела, лежащий на полу рядом с ним большой круглый булжик. Подержав его в руке и подумав о том откуда, он мог здесь взяться, юноша встал на колени и изо всех сил ударил им по стене. Сразу же послышался звук взводимой пружины и через некоторое время прозвучал очень жёсткий лязгающий металлический звук, стена немного откинулась наружу и скатилась чуть вниз, как с горки, образовав сбоку небольшой проход, оттуда сильно подуло тёплым воздухом. Юноша заглянул внутрь и увидел, что справа вдоль камня идёт узкий проход, а в конце прохода тусклый свет, он стремительно на коленях пополз по нему, так как по звуку взводимой пружины понимал, что стена сейчас вернётся на место. Метров через пять юноша повернул влево и прополз на четвереньках ещё метра два, прежде чем выбрался наконец, из прохода в небольшую комнату, тускло освещаемую масляной лампой на треножнике. Раздался резкий металлический лязгающий звук, камень приподнялся с одного края и покатился, встав на своё место и закрыв собой проход в стене.

Полежав немного на спине и отдохнув, юноша не вставая приподнялся, сел и огляделся. Он в комнате был один, ни дверей, ни окон, но в углу из узкого отверстия прямо в каменной стене пробивался небольшой ручеек, который стекал на пол в небольшую ванну, выдолбленную в камне. Юноша сразу подошёл к ручью и прежде всего напился, а потом стал осторожно промывать ледяной и чистой водой свои раны на ногах и руках, он был весь в крови.

– Возьми мазь и хорошенько намажь своё тело, – от неожиданно раздавшегося за его спиной голоса юноша аж подскочил. Сзади стоял Смотритель в белых одеждах и в руке держал небольшую глиняную миску доверху наполненной какой-то сероватой мазью. Он внимательно проконтролировал, чтобы юноша намазал на себя всю мазь полностью без остатка, не оставляя ни одного открытого участка тела, потом забрал пустую миску. – Жди здесь, – Смотритель повернулся и медленным шагом направился к противоположной стене, подойдя к ней вплотную он повернулся к юноше лицом и застыл как изваяние, бесстрастно наблюдая за ним.

Время шло, уже, наверное, прошёл час, а может пять или больше, юноша сидел на полу, облокотившись спиной о каменную стену и тихо дремал. Так вот безмолвно вдвоём они чего-то ждали. Вдруг он почувствовал, что у него начала подниматься температура, голова сразу начала очень сильно болеть, всё тело покрылось испариной, суставы нещадно ломило и выворачивало: «Наверное, я всё-таки заболел, промёрзнув от холода в подземелье», – решил он для себя, – «Но слишком уж быстро развивается болезнь... не естественно». Юноша сконцентрировал своё внимание и постарался найти точку или источник внутри себя откуда исходит, как волна всё нарастающая боль во всём теле и недомогание, он чувствовал себя очень плохо, понимал, что у него поднялась очень высокая температура, он буквально весь горел. Глубоко сконцентрировавшись на источнике болезни внутри себя, ему удалось огромным усилием воли частично перевести своё внимание из активного участника процесса в роль наблюдателя и в этот момент он непроизвольно коснулся рукой своего живота – тело было мёртвым, он был просто лежащим на камне безжизненным куском мяса и костей, но в тоже время все чувства были болезненно обострены до предела. Температура всё быстрее нарастала, он её чувствовал буквально каждым своим нервом и с захлёстывающим его волнением наблюдал изнутри, как не «его» тело буквально превращается в тончайшую мумию из высохшей кожи, которая вдруг разом вспыхнула от прорвавшегося изнутри его груди пламени и всё тело ярко загорелось и также быстро погасло, полностью сгорев.

~~~~~  
– Не ведаю о том что мне сказать Тебе  
Как я зачат рождён воспитан был  
Зачем я претерпел все муки бытия  
Зачем Тебе моя судьба?

~~~~~

Юноша открыл глаза, он всё также сидел на полу, рядом вплотную, склонившись над ним, стоял Смотритель и внимательно наблюдал. Убедившись, наконец, что тот полностью пришёл в себя, сказал: «Вставай, идём, Хранители готовы рассмотреть твоё значение», – повернулся и пошёл к дальней стене, в которой теперь находилась высокая и узкая из желтоватого металла дверь. Отворив её, он остановился сбоку, склонив голову на грудь и глядя в пол, молча предлагая юноше пройти. С трудом встав на ноги и преодолевая острую боль в ступнях, поняв, что он всё-таки не только изрезал, но и серьёзно обморозил себе ноги, прошёл боком через узкую дверь и вошёл в большой круглый зал, дверь за ним неслышно закрылась. Хотя вдоль стен горели на треножниках несколько масляных ламп, было довольно темно и юноша в нерешительности остановился, стараясь разглядеть помещение.

– Пройди на середину, – раздался чей-то жёсткий властный голос. Юноша прошёл, прихрамывая, на середину зала и встал в выложенный на полу из тёмных камней круг, над ним очень высоко возвышался купол, из центра которого свисал на длинной цепи что-то вроде колокола из переплетённых нитей из того же желтоватого металла, что и дверь, в которую только что он вошёл.

– Почему ты хромаешь? Ты испытываешь боль? – голос был жёсткий и требовательный, явно было слышно, что задавший вопрос этим не доволен, как чем-то непозволительным в данный момент.

– Да, я не справился с холодом и повредил на острых камнях и льду ноги и руки, – юноша и не собиравшись отпираться или отговариваться, он просто уже там, сидя на полу ниши в крошечной тьме решил для себя, что сам факт боли и те повреждения, полученные им, уже говорят о том, что он не прошёл испытание, во всяком случае сам он относился к этому именно так. Видимо, решил он, надо было искать другой путь, а не лезть напрямую, зная, что там не пройти и то, что он дошёл и выжил он объяснил для себя это просто помощью кого-то со стороны, но не своим достижением. Сейчас он уже был готов к тому, что его отправят домой и потому все его мысли были связаны только с тем, что же надо поскорей сделать, чтобы как-то залечить раны, а то в таком состоянии ему до дому не дойти. В этот момент раздался лязгающий звук цепи, колокол из нитей начал медленно опускаться, пока не коснулся пола полностью накрыв юношу, как клеткой. Каменный пол под его ногами вдруг сразу стал голубоватым, и он увидел, что это прозрачное стекло, в это мгновение от его ступней вверх сквозь его тело рванула голубоватая энергия, нестерпимо хотелось бежать сколько есть мочи, рваться куда-то вперёд и одновременно кричать... Но это было лишь мгновение, как молния, ударившая снизу, и сразу погасшая. Цепь начала также медленно поднимать колокол вверх. Юноша отчётливо чувствовал, что боли больше нет ни в руках, ни в ногах, он переступал ногами и одновременно ощупывал своё тело руками, понимая, что совершенно здоров. Как хорошо, думал он с искренней благодарностью к кому-то неизвестному – тому, кто позаботился о нём.

– Твоё имя!? – голос не изменился.

– У меня нет имени, только номер: шесть-три-семь, – юноша ответил без эмоций, просто констатировал, как непреложный факт – он никто.

– Почему нет имени?

– Я – незаконно рождённый...

– Родителей своих знаешь?

– Нет, не помню..., не совсем..., был у приёмных родителей, потом служил при городской библиотеке.

Наступила продолжительная пауза, из тени стены вдруг появился Смотритель и пошёл к юноше, дойдя до него он остановился, голова опущена на грудь и взгляд всё так же устремлён в пол, в вытянутых руках у него лежал какой-то свёрток.

– Ты прошёл вдоль фиолетового луча, потому достоин соединения красного и синего – Прими!

Юноша взял из рук Смотрителя свёрток и развернул его – это был ярко фиолетовый длинный плащ с вкраплениями по контуру желтоватых точек, которые тускло поблескивали от света ламп.

– Теперь о твоём значении: твоё место в Храме обозначено символом: один-пять! Держи его в тайне, если кто спросит, скажешь, что код тебе: один-шесть. Значение получишь по результатам испытания борьбой, в которой надлежит участвовать, твой номер в списке – семь-восемь! Ступай.

Сбоку в стене сразу открылась высокая узкая дверь, один-пять боком, с трудом протиснувшись, вышел в каменный длинный проход и пошёл за Смотрителем. Пройдя через большое количество каких-то тёмных коридоров, комнат, лестниц они, наконец, вышли в огромный зал, где на полу на плащах спало множество юношей. С двух боковых сторон стен не было и видно было звёздное небо, стоявшие повсюду колонны поддерживали крышу. Смотритель отвёл его к противоположной стене, показал свободное место на полу поклонился и ушёл. Один-пять расстелил плащ, с облегчением улёгся на него, поняв, что его не отправили домой, он принят, а остальное его сейчас не волновало, время всё покажет, и сразу крепко уснул.

~~~~~  
– Я от тебя всё ждал ответа.

– Моя душа чиста ранима.

– И это всё что знать хочу.

– Ты породил меня – Зачем?

Что Ты хотел постичь питая жизнь мою

Ведь я же враг Тебе!

~~~~~

Солнце уже поднялось над горизонтом, один-пять открыл глаза и ещё лежал некоторое время, размышляя над чем-то глядя в потолок, потом сел и облокотился спиной о стену. В зале было абсолютно пусто, но откуда-то из далека доносился шум, возбуждённые крики, восклицания. Он встал и пошёл к боковому краю зала, перед ним открылась бесконечная гладь спокойного и сверкающего на солнце моря. Внизу на песчаном берегу собралась толпа юношей вокруг Смотрителя, и все что-то возбуждённо обсуждали. Полюбовавшись некоторое время чудесным видом утреннего моря и солнца, он спустился по ступенькам во внутренний двор Храма, слева заметил столы и решив, что там кухня направился туда. Ему без лишних разговоров дали поесть, объяснили, что еда один раз в день с утра, на большее может не рассчитывать и указали, как спуститься к берегу, где определялись пары борцов.

Спустившись на берег, он даже не взглянул в сторону борцов, а сразу направился в другую – к морю и с наслаждением, нырнув в тёплую воду, поплыл. Выйдя на берег, один-пять какое-то время полежал на ещё прохладном песке рассматривая берег, когда заметил недалеко в стороне людей, которые на склоне что-то строили. По крутому склону он поднялся к ним. Это были садовники, которые на голых скалистых склонах выравнивали небольшие участки, засыпали их землёй, а затем выращивали овощи и фрукты для своих семей и Храма. Договорившись с ними один-пять принялся за работу, ему поручили выполнять самую тяжёлую и простую работу – носить камни, привозить на деревянной тележке издалека землю. Так он работал, пока солнце не зашло за горизонт. Вернувшись к Храму он увидел, как множество юношей толпится во дворе у вывешенных на колонне длинных списках, что-то бурно обсуждая между собой и споря. Один-пять, не обращая на них внимания, постоял некоторое время у стены, раздумывая над тем чем бы ему заняться, спать ещё не хотелось и, увидев в углу неболь-

шую деревянную приоткрытую дверь, из которой пробивался тусклый свет, пошёл вдоль стены к ней. Это была большая Храмовая библиотека, за маленьким деревянным столом в глубине сидел совсем старый Смотритель и что-то писал на листе желтоватой бумаги. Войдя внутрь один-пять сразу остановился, поражённый увиденным и не веря своим глазам.

– Ты чего застыл на месте, как изваяние..., что-нибудь почитать хочешь?

– Ты... – немного оправившись и придя в себя один-пять прошёл внутрь и сел на деревянный табурет, не отрывая взгляда от старика, – откуда ты здесь, как ты здесь очутился? – он просто не верил в происходящее.

– Ты что, из библиотеки в городе за перевалом? – после некоторой паузы спросил старик.

– Да, я там служил.

– Так ты шесть-три-семь по-видимому, мой брат писал мне про тебя.

– Он... брат твой?

– Ну да..., мы близнецы, только в молодости нас разъединили..., теперь он служит там в библиотеке, а меня сюда определили, так с тех пор больше и не виделись, только пишем друг другу. – Он с любопытством смотрел на юношу. – А брат с большой теплотой о тебе отзывался, писал, что ты очень добрый и любознательный..., только вижу, что трудно тебе придётся здесь..., очень трудно. Ни когтей у тебя, ни клыков, да и кожа, смотрю, у тебя очень тонкая, чем биться будешь и защищаться, пока не вижу, но там видно будет, может я и ошибаюсь. Какой тебе плащ дали Хранители, не покажешь?

– Да вот этот, – один-пять снял с плеча свёрнутый плащ и передал его старику. Тот, отвернув уголок начал внимательно рассматривать по канту еле поблескивающие желтоватые точки, потом, свернув его обратно, вернул. Один-пять взял плащ, перекинул его снова через плечо, встал с табурета и стал рассматривать стоящие на полках книги, выбрав одну из них он снова сел на табурет и погрузился в чтение. Старик сидел неподвижно уставившись стеклянным взглядом в пламя стоявшей на столе свечи и лицо его как из воска не выражало ничего, только губы беззвучно что-то шептали. Так в молчании они сидели довольно долго. Во дворе уже стихло и наступила ночная тишина.

– *«Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым?... Но вот уже время идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а кто из нас идёт на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога»,* – шёпотом еле слышно пробормотал старик. Один-пять, оторвавшись от книги, недоуменно повернулся к старику, а тот неотрывно смотрел прямо ему в глаза. – Судья пришёл на Землю, судить он теперь будет всех, так и знай, никому нет теперь спокойной жизни, – старик ехидно засмеялся, коротко и нервно....

– Судья? – юноша решил, что старик немного не в себе, просто заговаривается.

– Время закончилось..., маятник остановился, завод кончился! Он опять, может быть, заведёт их, качнёт и всё сотрёт здесь, и памяти не останется, а захочет и не станет их заводить, а выбросит, как сломанный никому не нужный механизм..., то есть нас! – старик снова, но уже зло как-то, нервно смеялся, – ты знаешь, что такое время? Это просто часы..., да, обыкновенные часы из шестерёнок и пружинок..., с маятником... влево-вправо, влево-вправо..., все эти звёздные скопления, галактики, пульсары, чёрные дыры..., всё это просто точки, записанные на твоём плаще, а ты можешь их прочитать? Вот именно, и я не могу, так только что-то в общем виде. Память стёрта, приходим туда..., или оттуда и не помним ничего..., ничего, понимаешь? Совсем ничего! Тогда как мы можем что-то сделать или нарушить, сломать или..., кого он будет судить? За что? – Старик шёпотом нервно выкрикивал эти бессвязные фразы, обращаясь к юноше и зло глядя на него. Потом вдруг вздрогнул всем телом, как очнулся, – ты только не пугайся, ты тут совсем не причём, – глаза старика потеплели, лицо смягчилось и подобрело, – просто ждёшь, ждёшь... и вот, дождался..., чего-то страшно вдруг стало.... Прости глупого старика..., если можешь!

Старик встал и вышел в маленькую дверь, утопленную в стене. Была абсолютная тишина, юноша тоже встал, положил книгу на место и вышел во двор. Небо было полно звёзд, он постоял ещё некоторое время посередине двора, разглядывая их, потом, улёгшись на своё место в углу, он ещё некоторое время думал о словах старика – о времени: неужели оно может остановиться или сломаться, как обычные механические часы, о суде: кто будет судить, кого, зачем?

~~~~~  
– В сознании своём иду Я за мечтой  
И мысль одна как путеводная звезда  
В чём смысл бытия заложенный тобой?  
В чём ты надеешься познать себя?  
Что знать велишь ты всем но ты не прав  
И знаешь ты о том.  
~~~~~

Уже во сне ему привиделся огромный, спускающийся с неба маятник, который раскачивался и стирал всё на Земле, и вдруг оказалось, что он стоит прямо на его пути и тот сейчас сотрёт его... но в этот момент его кто-то выдернул, как рукой, из сна. Он резко проснулся от сильного удара по ноге, перед ним стояла группа молодых людей, они ухмыляясь смотрели на него сверху явно с пренебрежением. Впереди всех стоял настоящий силач, это был видимо тот, кто ударами ногой и разбудил его. Он был выше всех и видно было, что обладал необъятной физической силой, практически это была гора натренированных мышц и природной мощи, он с усмешкой разглядывал, как один-пять, ещё не совсем понимая, что произошло, пробиваясь сквозь сон беспомощно лежит перед ним.

– Ты семь-восемь? – голос был низкий и тихий, как раскаты грома от доносившейся из далека грозы.

Юноша, ничего не отвечая, просто чуть приподнялся на руках, подвинулся и поудобней облокотился спиной о стену, согнул колени и положил на них вытянутые расслабленные руки, потом несколько прищурившись внимательно посмотрел в глаза стоящего над ним борца.

– Я в списке семь-семь, по жребью мы боремся с тобой... – он усмехнулся и с явным призрением к нему продолжил, – жаль, что по правилам нельзя калечить, я бы тебя сломал пополам, – все вокруг громко засмеялись, а силач явно довольный собой медленно развернулся и все компания вышла во двор. Один-пять посидел ещё некоторое время неподвижно, глядя, как над морем поднимается солнце, потом встал и подошёл к краю зала. Внизу на песке уже собрались все борцы и сегодня они были в плащах, почти у всех были белые или темно серые цвета, несколько коричневых, один темно красный. Многие делали различные гимнастические упражнения, явно разминаясь и готовясь к борьбе. Юноша вернулся на своё место, поднял с пола плащ свернул его и по обыкновению перекинул через плечо, потом вышел во двор прошёл на кухню, поел и спустился к морю. Даже не взглянув в сторону борцов, он поднялся к садовникам и продолжил прерванную вчера вечером свою работу.

Схватки борцов продолжались всё лето и должны были обязательно закончиться не позднее дня осеннего равноденствия. Каждый должен был бороться с каждым, так как по окончании турнира составлялся список занятых мест. Смотрители выступали в качестве судей, которые следили за неукоснительным соблюдением правил боя, нарушитель сразу же наказывался направленным в него голубым лучом, из тонкой короткой трубки. Луч оставлял на теле очень болезненный ожёг и потому все старались строго следовать правилам. Один-пять не обращал никакого внимания на борцов, он каждое утро отправлялся к садовникам и работал до вечера, потом купался и шёл в библиотеку, но библиотекаря так больше ни разу и не встретил.

День финальных боев выдался очень жарким. Уже с самого утра солнце палило нещадно, обжигая обнажённые тела борцов собравшихся на берегу, а днём на раскалённом песке уже стало просто пекло. В финале четыре борца сегодня должны были определить – кто же самый сильный и бесстрашный воин.

~~~~~  
– Вот смысл бытия: меня создав – Ты создал смерть!  
Познать суть смерти Ты намерен  
Из пустоты воздвигнув храм Хранителем  
Поставил Ты меня и разделил на части!  
~~~~~

Один-пять по обыкновению трудился в саду и к вечеру вся работа была закончена. Все садовники расположились на большой поляне в тени деревьев, разложили на большом куске материи принесённую провизию и как один, не притрагиваясь к еде, молча смотрели в сторону юноши, как тот неподалёку сворачивает свой плащ собираясь уходить.

– Иди к нам, – раздался голос старшего садовника, – иди сюда, мы отмечаем окончание работ.

Юноша подошёл к садовникам под деревья и остановился.

– Садись с нами, заслужили..., мы не спрашивали тебя, как твоё имя?

– Один-шесть? – присаживаясь с краю, коротко ответил он.

– Это тебе Иерархи дали..., ну, не хочешь говорить и не надо. Мы очень благодарны тебе за помощь, мы ни за что не справились бы без тебя с такой трудной работой, – все садовники с улыбкой закивали головами, наперебой в полголоса соглашаясь со старшим, – бери хлеб, молоко, вот мясо, сыр..., ешь сколько душе угодно..., отдыхай, работа сделана.

Они сидели так вместе, пока солнце не скрылось за горизонтом. Садовники шумно между собой болтали, смеялись, что-то своё пели хором, а один-пять, прислонившись спиной к дереву, молча с удовольствием слушал, не прислушиваясь, да смотрел на море расстилающееся перед ним до горизонта. Солнце скрылось, садовники собрались уходить по домам, все тепло попрощались с ним, ещё раз поблагодарив того за работу и пожелав тому всего самого хорошего и счастья, все разошлись.

~~~~~  
– Ты в творчестве своём – суть истины познания бытия!  
А кто Творца познать готов?  
Не ведая законов нет Мне пути  
В твоём поступке познания веков!  
~~~~~

Спустившись к морю он с наслаждением искупался и ещё долго сидел на песке, любясь тёмным зеленовато-синим небом, усеянным звёздами, тишиной и переливающимся лунным светом на воде. Его переполняли необъяснимые чувства какой-то внутренней не проходящей тоски, глубокого внутреннего одиночества и одновременно счастья, непонятно от чего и почему. По его щекам текли слезы, а он и не пытался сопротивляться или скрывать их. Поднимаясь к Храму, уже глубокой ночью, до его слуха доносились громкие голоса, крики, хохот и грубое пение множества бессвязных голосов. Видимо борцы празднуют победы, решил он для себя. Громче всех раздавался громopodobный голос семь-семь, даже не посвящённому было понятно, что он на празднике хозяин. Никто не спал, все толпились во дворе Храма у расставленных вдоль стен столов, черпали что-то из больших глиняных кувшинов деревянными

кружками, поднимали их над головой и громко наперебой провозглашали победы достойных. В середине двора стоял стол, сверху на котором сидели трое победителей. В середине стола на перевернутом глиняном кувшине выше всех был семь-семь, он громче всех хохотал и несвязно пел. Один-пять, не обращая внимание на всеобщее веселье, пошёл по обыкновению вдоль стены к библиотеке.

– А-а, смотрите, вот наконец-то пришёл самый «достойный» из нас, – голос семь-семь заставил всех замолчать и посмотреть в сторону юноши, тот остановился и бесстрастно смотрел на идущего к нему силача. Все молча расступились, пропуская того, а он, не спеша, с ухмылкой, держа какой-то список в руке медленно шёл к один-пять. Подойдя к нему и глядя сверху вниз, он взял его руку и поднял её вверх над головой.

– Смотрите, вот тот, кто самый первый, – другой рукой он поднимал над головой список, где по порядку сверху вниз перечислялись номера борцов, против каждого номера стояло количество одержанных побед, потом шла красная черта и внизу был написан один номер семь-восемь с прочерком в графе побед, – вот он – первый!, но не среди слабейших, а среди изгоев, тех, кто презреннее раба, он даже не проиграл ни одного боя..., как я! – захохотал вместе со всеми силач, – но не потому что победил, а потому что спрятался от страха, он даже не проиграл бой слабейшему из нас, но в честном бою, потому он всего лишь тот, кто не достоин ни то, что находиться среди людей, а даже жить. – Потом повернувшись к нему и отпустив его руку тихо сказал, с ненавистью глядя прямо в глаза, – когда я стану властелином, то я прикажу таким как ты выжигать клеймо на теле, чтобы каждый свободный или раб знали, что ты достоин только презрения, что хуже смерти. – Неожиданно борец со всей силы ударил сжатым кулаком в грудь юноше, тот от удара отлетел метров на пять и упал на спину на камни. Он лежал некоторое время неподвижно, в воздухе стояла напряжённая тишина, и вдруг встал как ни в чём не бывало. Силач оторопело смотрел на свой кулак, потом на него, не понимая, что произошло. От такого удара он должен был убить любого, раздробив тому все грудные кости, а получилось, что он его просто толкнул, сильно, резко, но не ударил, а всего лишь толкнул. Удар не защищённым сжатым кулаком означал вызов, от которого нельзя было отказаться или уклониться, борьба в этом случае непременно должна была закончиться смертью одного из борцов. Борец быстро подошёл к уже поднявшемуся на ноги и стоящего, как ни в чём ни бывало, спокойно один-пять и снова ударил того кулаком уже целясь в голову, но не попал, тот легко уклонился и кулак пролетел мимо, рядом с ухом. Вдруг неожиданно один-пять сделал быстрый шаг навстречу борцу, вытянул руку, прикоснулся открытой ладонью к груди и слегка толкнул его. Семь-семь на мгновение неподвижно застыл, с занесённой рукой для нового удара, лицо было удивлённым и не понимающим того, что произошло, потом он начал неожиданно пятиться назад и вдруг упал на спину, схватился руками за горло и начал хрипеть, лицо его побагровело, потом начало становиться лиловым, он задыхался. Один-пять стоял неподвижно и совершенно спокойно наблюдал за конвульсиями семь-семь. Сразу же, откуда ни возьмись, появились три Смотрителя, один из них быстро наклонился над лежащим семь-семь, придавив того руками к каменному полу, чтобы он не двигался. Тот судорожно хватал широко открытым ртом воздух, но не мог его набрать полной грудью, удавалось сделать только крошечный вдох, глаза его налились кровью, лицо тряслось и всё тело сводило судорогами. Придавленный Смотрителем к полу он постепенно успокаивался, делая судорожные очень короткие слабые и частые хриплые вдохи. Между один-пять и глубоко потрясённой толпой безмолвно стоявших борцов были два Смотрителя. Потом они, быстро взяв под руки один-пять, завели его в какой-то узкий проход в стене и повели по бесчисленным коридорам, лестницам и комнатам, пока не дошли до небольшой деревянной двери, открыв её они толкнули того внутрь и закрыли за ним дверь. Он оказался в небольшой пустой каменной комнате, где только горела на треножнике масляная лампа.

~~~~~  
– В борьбе Ты заключил тот образ слова  
Что дан Создателем как время  
Не Ты ли мне сказал что дал мне то  
Что смысл обретёт моё стремление к Тебе  
Себя познать мне тягостно как путь в пустыне  
Не в этом вижу смысл своих усилий  
Ты дал мне жизнь!  
Что мне в ней для меня?  
~~~~~

Прошло несколько часов, расстелив в углу на полу плащ один-пять лежал на спине, смотрел в потолок и равнодушно размышлял о том, что же теперь будет? Видимо его накажут, за что, не важно, всё в этом мире, куда бы не пошёл и, что бы ни сделал, одно и то же. Потому он не ждал для себя ничего хорошего от случившегося. Тихо заскрипела дверь, заглянул библиотекарь, сказав: «Вставай, иди за мной», – скрылся. Один-пять скатал свой плащ, перекинул его через плечо и вышел из комнаты. Они пришли в библиотеку, дверь во двор была раскрыта настежь, уже был день, никого не было и стояла абсолютная тишина.

– Все получили своё значение и отправлены по своим службам, остался один ты. Хранители видимо ещё не решили, что с тобой теперь делать, – Старик вышел ненадолго и вернулся с миской еды и кувшином воды, – ешь, будем ждать.

Один-пять не спеша поел и оставил миску, потом взял с полки книгу, которую читал каждый вечер и погрузился в чтение. Старик сидел неподвижно за маленьким столом и рассеянно через открытую дверь смотрел на улицу во двор.

– Ты очень жесток, – старик сказал это тихо вполголоса, скорее самому себе, чем кому-либо. Юноша оторвался от чтения и некоторое время задумчиво смотрел на старика.

– Это его выбор, не мой.

– Ты мог с ним покончить быстро и безболезненно, а теперь он будет бесконечно долго, медленно и мучительно умирать, наблюдая беспомощно, как с каждым глотком воздуха его покидает жизнь. Это очень, очень жестоко.... Ты знаешь легенду о Советнике? – спросил старик, при этом очень внимательно посмотрел на него.

– Нет, не знаю...., что-то слышал, но не припомню. Помню только, что библиотекарь как-то тихо говорил что-то несвязное, будто если бы здесь был Советник, то всё было бы по-другому...., иначе....

– Не уверен, может он и прав, а я, наверное, совсем не правильно всё понимаю, но думаю, что тебе, как никому другому, важно знать эту легенду. Может она подскажет тебе, что надо делать, приведёт к какому-то важному решению, или хотя бы пониманию всего происходящего, поможет в трудную минуту. Не скажу, что будет, но знаю точно – тебе знание легенды о Советнике пригодится.

Вдруг в дверях библиотеки появилась чья-то тень, заслонив собою свет, в проёме стоял Смотритель, который кивком головы показал, чтобы один-пять следовал за ним. Они прошли до центрального куполообразного зала со свисающим на цепи колоколом. Так же, как и в прошлый раз Смотритель, открыв узкую дверь и пропустив внутрь юношу, остался стоять снаружи, опустив голову на грудь и смотря строго в пол.

~~~~~  
– Я – чтоб говорить о ней с тобою  
Чтоб слышал ты Меня!  
– Меня Ты запер в ней – я в клетке

Что я могу творить – сказания о рабстве?  
Я Раб! Раба ты создал – Повелитель!  
На что мне слышать звон цепей!?

~~~~~

Юноша вошёл и сразу остановился в нерешительности, потому что в центральном круге стоял высокий человек, одетый в длинные от шеи до пола свободно ниспадающие чёрные с синевой и желтоватыми знаками одежды, а на голове его был очень высокий странного вида головной убор.

– Пойдём в сад, если не возражаешь, прогуляемся, беседа приятней во время пешей прогулки, ты не находишь? – Хранитель говорил тихим голосом, многократно расширяющимся от резонирующего эха в зале, создавая ощущение, что голос раздаётся сверху, заполняя всё вокруг и обволакивая со всех сторон собеседника. Он, чуть наклонив голову, жестом руки приглашал юношу следовать с ним. Они рядом прошли до стены зала, где перед ними раскрылась широкая дверь прямо в сад. Хранитель также жестом пригласил того пройти вперёд и вышел следом за ним. Несколько минут они молча шли по каменной дорожке в тени деревьев. Хранитель был очень высок и широк в плечах, один-пять ростом был чуть выше его локтя и чувствовал себя рядом с этим великаном просто ребёнком.

– Какого религиозного учения придерживаешься? – неожиданно, нарушив молчание, спросил Хранитель, сверху вниз заглядывая в глаза юноше.

– Никакого! – отрезал очень жёстко он.

– Философских взглядов? – так же тихо и спокойно продолжал Хранитель.

– Никаких, – уже более спокойным тоном ответил один-пять.

– Нагим ходишь из принципиальных убеждений, необходимости или иные причины?

Юноша не ответил, только отвернулся, глядя в сторону, образовалась короткая пауза.

– Думаю, что это не протест и не убеждение в чём-то, просто, таким образом, ты даёшь людям вокруг себя понять, что нет разницы между людьми, едины они в своём облике перед природой. Тебя били?

– Да.

– Камнями забрасывали?

– Да.

– Оскорбляли и всячески унижали?

Юноша не ответил, всё так же смотря в сторону.

– Ты владеешь техникой, которая позволяет убить любого одним касанием, или даже одним словом, взглядом, однако ты никогда не использовал её. Что же произошло вчера..., с семь-семь?

– Он сам выбрал, это его решение, не моё! – он поднял голову и, несколько прищурившись, внимательно посмотрел в глаза Хранителя.

– Таким образом ты остановил властелина в его намерение..., именно это ты показал.

– Этот путь приводит только к этому..., раньше или позже, не имеет значения.

– Ты жесток..., очень жесток и мог бы избавить его от страданий.

– Для него страданием является лишь то, что он теперь лишён возможности убивать и истязать...! Я дал ему время. Боюсь только, что всё это ни к чему, физические страдания ничему не учат и ничего не дают, кроме потерь.

– Ты не веришь этому миру, сомневаешься в нём?

– Да.

– Ты не ценишь жизнь?

– Нет.

– Тогда почему ты из последних сил, уже зубами держался за неё?

– Я держался не за неё, жизнь мне безразлична, если она тебе нужна – возьми её, мне ни мгновения не жаль отдать её тебе или любому, кому она необходима. Потерять страшно не жизнь... цели нет у человека, вот что печалит. Она стала бессмысленной и ничего не стоящей в результате потери её значимости для достижения цели. Войдя сюда я рассчитывал найти эту цель, а увидел всю ту же борьбу за власть! Борьбу – не за жизнь, а за смерть, которую ты вчера видел! Долгую, мучительную и бессмысленную в своём естественном исходе. Сколько жизней я спас вчера? От власти, которую ты им даёшь Хранитель!

– Я даю им возможность проявить себя, ведь, в конечном итоге, не я установил эти правила!

– Да, да не ты... ты лишь неукоснительно соблюдаешь их – побеждает сильнейший, что тут скажешь, всё естественно.

– Что ты хочешь от меня, да, не я установил их! Правильно, я только обязан выполнять неукоснительно то, что установили здесь те, которых ты видел внизу. Тела их здесь, а дух беспрепятственно может перемещаться между мирами...! Ты не остановишь и не изменишь то, что установлено их законом. На месте одного остановленного, их видишь сколько приходит с одной целью – только для того, чтобы властвовать – убивать и истязать!

Они, некоторое время, ходили по каменным дорожкам молча.

– Испытания закончены, но у меня относительно твоего значения особое распоряжение. Некоторое время ты пробудешь здесь, поможешь библиотекарю, он уже очень стар, ослаб и не справляется. Твой код шесть-три-три, как библиотекаря при Храме.

Хранитель остановился, повернулся к юноше и, поклонившись слегка головой, не спеша направился в другую сторону, оставив того одного в саду.

– Творец, когда закончил свою работу по обустройству всего Мироздания, сначала сам со своими помощниками управлял всеми вселенными, расами и народами. Всё шло достаточно гладко и спокойно под его единоличным управлением, но вот однажды ему пришла мысль, что уже наступило время, когда пора передать управление Мирозданием самому достойному народу – тому, кто способен быть равным Творцу и заменить его, а сам он смог бы тогда уединиться и заняться спокойно в тишине другими своими проектами и идеями, не отвлекаясь ни на что. Но, какой народ может заменить его – самого Творца? Тогда он построил на окраине Вселенной Солнечную систему, которая совсем была не похожа на все остальные системы в Мироздании. Созвал к себе правителей всех рас и народов и предложил выбрать самых достойных из своих братьев, чтобы они компактно заселили Землю. Для этого он каждому народу выделил на Земле свою территорию, похожую на их родную планету, а потом огласил Закон: «Тому народу, который проявит себя более всех в умении не только управлять достойно Государством на своей территории, мирно ужиться с соседями, но, что самое важное, также сумеет объединить все народы Земли и всей Солнечной системы в мирном сосуществовании в рамках единой Цивилизации – тому он передаст в единоличное управление всё Мироздание». Поначалу, пока каждый народ обживал свою территорию, всё шло довольно мирно, а затем началась битва народов за власть над Миром. Война с тех пор не прекращается ни на минуту. Однако, есть один народ на Земле, который живёт своим внутренним миром, и не стремится совсем, как другие народы, к мировому господству, такое впечатление, что они не знают о Законе Творца. Их жизненный уклад очень прост: в каждом селении на протяжении длительного времени всегда единогласно среди односельчан признаётся один, которого все уважают за ум, трудолюбие, справедливость, он в народе признаётся старшим при решении вопросов, которые имеют общее значение для всех жителей села или города. Потому на общем сходе спрашивают его мнение и поступают, в основном, ориентируясь именно на его совет. По сути всё их управление сводится не к власти, а к некой принятой всеми жителями, по умолчанию, норме очень высокого доверия друг к другу. Когда дело касается решения вопросов, связанных с большими территориями, то старшие своих селений на своём сходе также выбирают от

себя наиболее умного и грамотного, который высказывает своё мнение по общим вопросам. В конечном итоге на самом верху рядом с Князем есть некий Совет старших, которые выбирают Советника по государственным вопросам жизненного уклада всех без исключения жителей внутри Государства. Советник и старшие живут своей обычной жизнью у себя в селениях и собираются только для решения возникающих общих вопросов. Советник народом признается выше чем Князь или кто угодно, потому как он выражает мнение всего народа перед Государством, но реальной властью никакой не обладает – но именно он, по сути, истинная власть народа в управлении Государством, носитель традиций и миропонимания, принятого этим народом на протяжении всей их истории. Они живут между собой и с соседями очень мирно, но горе тому, кто пойдёт войной на их Государство – смерть врага всегда неминуема и беспощадна. На протяжении всей истории бесконечных междоусобных и мировых войн за господство в нашем Мире против этого народа, как изгоя, ведётся бесконечная война, но они непобедимы. Тогда враги решили, что раз их не одолеть в бою, то постараемся уничтожить этот народ обманом и постепенно с помощью клеветы стали стравливать и сеять вражду между старшими и добились того, что произошёл бунт и старшие, впервые за всю свою историю, не подчинились приказу Князя. Тогда Князь обратился к Советнику с вопросом: что делать и как поступить, в Государстве зреет война народа друг с другом? Советник дал ему совет в том, что Князь должен беспощадно наказать не старших, которые ослушались и не подчинились его приказу, а свою дружину, за то, что она не предотвратила разногласия в Государстве среди старших. Не послушался Князь совета, пожалел дружину, а наказал старших, и сразу началась внутри этого народа между собой война на радость врагам, которая продолжается и до наших дней. Советник покинул Князя, сказав ему перед уходом: «Вот не послушал меня, теперь не остановишь войну и потеряешь не только Государство, но и народ свой». С тех пор его никто больше не видел и не слышал о нём ничего.

Юноша слушал очень внимательно и не перебивая библиотекаря.

– Он ушёл и что стало с народом? Неужели он оставил его, это же предательство? – юноша был очень взволнован.

– Нет, не предательство, пока не будет исполнен совет, Советник не вернётся. Пока Князь будет считать, что его власть выше власти народа, до тех пор Советнику нет места в Государстве.

– Так надо убедить в этом Князя, объяснить ему..., он же не глупый человек!

– Но как..., как это сделать? – библиотекарь смотрел на юношу. – Это может сделать только сам Творец, только этому народу Творец доверил одну свою тайну, самую сокровенную, о которой никто не догадывается, а они знают, только они, но во внутренних междоусобицах забыли, пока, но Творец не прощает ничего! Не простит он им и никому, ничего, понимаешь, ничего! Маятник остановился, чтобы Мир не был уничтожен и не закончил своё существование в бесконечных войнах, он сотрёт все народы и начнёт новый Мир, заново, с пустоты. Но прежде он судит, и нет пощады никому, особенно им – кто забыл своё значение, забыл, доверенную им тайну!

– Какую тайну? – юноша просто горел от нетерпения, глаза его возбуждённо светились, он даже встал со скамьи, на которой сидел.

– Творец дал Время! Его очень мало, и как оно заканчивается, раз! и маятник стирает здесь всё, и снова начинай сначала, но сам Закон Создатель не отменял, никогда, и, наверное, не отменит. Всё будет повторяться до тех пор, пока он не будет исполнен, сколько бы времени не прошло. Мы из раза в раз возвращаемся сюда и снова, бесконечно, безрезультатно бьёмся за власть над Миром, не сохраняя, при этом, ни памяти, ни знания, ни истории своей... ничего, беспомощны народы, как и в начале времён, в своём непонимании Закона. А ведь в нём суть Мироздания, сотворённого Творцом, не познав его не исполнишь! А куда ты денешься? Куда? – Некуда идти..., Советника надо вернуть, любым образом, но вернуть. Но заставить его невоз-

можно, он только сам придёт, когда сочтёт это возможным, вот в чём главная задача сегодня. Он один знает, как надо поступить, чтобы наступил Мир, а не власть насилия. Вот ты насилием остановил ещё большее насилие, но это порождено необходимостью. Надо менять всю систему, а не в каждом отдельном случае что-то изменять или исправлять, этим не добьёшься ничего и не исправишь, лишь вызовешь к себе ещё большую неприязнь и вражду.

– Князь должен выполнить то, что ему сказал Советник – наказать тех, кто ответственен за согласие в Государстве – дружину! жестоко и без сожаления..., я так понимаю, тогда Советник вернётся. Потому, что совет старших увидит истинную справедливость воли Князя и суть Государства, а самое главное – значение Совета старших, как Совет народа, который по праву верховенствует! Правильно?

– Правильно, я тоже так думаю. Суть же не в Советнике, как таковом, а в справедливости воли Князя, как истинной воли народа, а если её нет, то и согласия в народе нет..., только так!

– Ты прав, эта легенда очень важна для меня, а Князя, как можно убедить, что для этого надо сделать, как добраться до него?

– Сохранился дом, в котором жил Советник, до сих пор стоит, и никто не может в него войти..., его даже найти пока никто не смог..., как будто и не было никогда, но он есть, есть.... Дом стоит в каменном круге, который он своими руками выложил и никому не переступить, сразу смерть. А князя давно уже нет, всё произошло именно так, как и сказал Советник: и сам погибнешь, и народ свой погубишь! Ты же знаешь – теперь нашим миром управляет Учёный совет или ещё его называют: Совет девяти академиков. В основе мира лежит религия науки, как единственно правильного миропонимания – научного, а кто сомневается, тот сразу уничтожается. Ведь Князь смутьянам отдал полную свободу действий, а они и его уничтожили и всё вокруг – Тирания, под управлением так называемого объективного познания мира, но на самом деле всё это только вывеска. Драку, именуемую борьбой за власть, ты же здесь в Храме видел? Вот этим молодым людям и передают власть, а что они знают кроме борьбы? Ничего, и это самое важное для академиков, чтобы и вопросов не возникало. Их власть непререкаема, но это путь в никуда – Творец, с остановкой маятника очистит здесь всё..., и нас с тобой, и их, без разбора и сожаления! Зачем жили, что делали, кому теперь объяснишь или докажешь? На то он и Творец, что он сам Князя поставил, первым над всеми, чтобы он волю народа исполнял, а тот, что натворил? Как исправить? А кто поставил академиков? – они сами себя поставили и правят..., уничтожая всё вокруг. Разве Творец передаст им власть над Мирозданием, нет конечно, а они считают, что именно они избраны..., глупцы. Они считают, что безграничность их монополии на знания даёт им возможность быть выше остальных, но как они могут чем-то управлять, если даже не понимают, что Творец время-то дал только одному народу – одному! Нет, не над всеми он этот народ поставил, а ответственность он дал ему..., за всех! За всех они отвечают перед ним и с них он только спросит, а не с остальных, потому и не стремятся они к власти, а своей жизнью показывают суть высшего Закона Творца – своей обычной жизнью. Этот народ и есть сам Творец! Понимаешь, он – Творец..., так над кем эти хотят властвовать? Как в сказке, помнишь: «...и была б у меня на посылках ...», – это Его сказки и песни Его.

– Но они же – академики, правят, значит помогает им кто-то!? Чья-то невидимая сила ведь сохраняет их у власти, и если это не Творец, тогда кто?

– Боюсь я за тебя, в наказание за то, что ты их лучшего бойца уничтожил, отправят они тебя к Георгию..., а это конец. Нет ничего более ужасного для человека, чем попасть к нему.

– Георгию? А это кто такой? Я что-то ничего не слышал о нём?

– Георгий? Даже трудно охарактеризовать кто он такой, его, по правде сказать, не видел никто, потому что никого нет, кто бы мог рассказать о нём, все кто к нему был отправлен... всё, конец, для каждого, без вариантов. Что он там делает с людьми не знаю, знаю только, что не вернёшься если попал к нему. Исчадие ада, вот он кто такой, тёмный властелин, который не покорных, таких как ты, к себе забирает и считай конец твоей жизни.

– Да пусть забирает, на что она мне? Хранитель, тоже сейчас спрашивал, почему не ценю жизнь? Да всё по той же причине, а зачем она мне, может я по ошибке сюда попал, может она другому предназначалась, а досталась мне. Я не знаю, что с ней делать, как быть с ней, она тяготит меня. Зато я, наверное, знаю, как умру, вот это есть.

– Откуда ты знаешь, как умрёшь, это никому не известно.

– Ну, я не сказал, что точно знаю, просто я хотел бы так умереть.

– И как ты себе это представляешь, если не секрет?

– Нет здесь никакого секрета, просто я думаю, что у меня обязательно всё сложится примерно так: придётся мне идти через очень большую пустыню, а избежать этого никак не удастся, и повстречаю я в самом её сердце путника, которому тоже надо на ту сторону. Но путник уже остановился, не может идти, обессилил, нет у него ни воды, ни еды. Он скажет мне, что там, наверное, сейчас стоят его родные, близкие, жена, дети, то есть все, кто его любит, ждёт, и смотрят они в этот момент в глубь пустыни, что вот сейчас он покажется на горизонте. Он очень огорчён тем, что обманул их ожидание и не дойдёт, не дождутся они его, и это больше всего печалит его. Я ему отдам всё, что у меня есть и помогу идти, пока сил хватит, а потом останусь в пустыне один и без сожаления умру..., вот такая моя будет простая смерть.

– Ты считаешь, что Творец для этого тебе подарил жизнь? Для спасения жизни другого человека? Его жизнь более важна, чем твоя? Как ты это определил, кто решает, что это так, ты или Творец? Отдав свою жизнь, может ты спасаешь жизнь того, кому суждено погибнуть, это его судьба..., не твоя. Ты же вчера прервал жизнь этого несчастного, а кто тебе дал право решать? По какому критерию ты оцениваешь план Творца, кому жить, а кому умереть? Ведь это не просто жизнь одного человека, ведь это не просто так – Жизнь! А, что такое Жизнь? Это сущность самого Создателя – того, кто создал Творца – он жизнь ему дал! И вот на основе сущности Создателя – Жизни, Творец творит – вот что такое Время! а не просто так... – взял и умер, как тебе хочется или нравится.

– Не знаю, но в этой смерти есть хоть какой-то смысл, а в моей жизни – нет, это всё равно, что получить в подарок огромную золотую цепь, и не бросишь, и носить невозможно, только сидишь рядом, да охраняешь. – Юноша задумался и какое-то время молчал, а потом тихо для себя прошептал: «... и жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – такая пустая и глупая шутка...», – вдруг, очень жёстко, даже зло, сказал, глядя в пол, – я не верю Творцу, нет у него никакого плана. Если я последний свой кусок хлеба отдам нищему, а сам потом умру с голоду, то нет никому на свете до этого дела..., никому! Ты это называешь: разумным, духовным или ещё какими-нибудь словами, любыми, просто потому, что это слова? Пустые слова, кричащие лишь о своей значимости, важности, как же, они же просветлённые! Легенды они потому и легенды, что это просто выдумки, наши мечты. Не было никогда никакого Советника, а если бы и был, то он, наверняка, был совсем другим, даже, скорее всего, трижды семь-семь злодеем, а потом ему уже приписали высшую мудрость и добродетель... – так все народы проще держать в повиновении, за вывеской некоего народа освободителя.

– Ты очень озлоблен на свою жизнь и потому так жесток, я, даже, понимаю тебя, в какой-то степени. Всё это так, ничего с этим не поделаешь, только с годами человек либо принимает всё таким каким есть, либо погибает..., в этом ты прав, и потому я продолжу твой пример: придёт человек и отнимет твой последний кусок хлеба у нищего, потому тот всё равно умрёт от голода..., на этом построен «порядок» в этом мире.

– Я согласен с тобой в том, что Князь обязан, если он Князь, как ты говоришь, от Творца, прежде всего, казнить, на глазах у всего народа, прилюдно, предавшую народ дружину – Княжескую дружину. Это его воля, только его, данная ему по праву народом, а иначе..., правды не будет, никогда, по-другому она не завоёвывается. Но этого же никогда не было и никогда не произойдёт, ты сам это понимаешь, тогда, как можно верить Творцу?! Вот потому я считаю, что всё совсем не так, и уж лучше отдать свою жизнь тому, кто в ней нуждается больше, чем

просто так прослоняться в поисках утраченных смыслов... без цели, опираясь только на, пусть интересные, но пустые легенды и проповеди. Помнишь, как мудрец говорил: если я не знаю ничего об Аиде, так я и говорю, что не знаю, а не придумываю о нём небылицы, помнишь? Вон, смотри, весь мир наводнён этими самыми советниками, любыми, какими хочешь.

– Мудрец знал об Аиде, потому так сказал. Знал, что после смерти судим будет – достойными! Нет, не Творцом, а теми, с кем он готов продолжить диалог и после смерти – в Аиде исследовать себя и других, в этом была его цель и, тогда возникает вопрос – не цель разве в этом самого Творца, если он вложил в уста эти слова мудрецу?!

– Может ты и прав... как всегда. У тебя долгая жизнь за плечами, а что я знаю о жизни или смерти в свои годы, ничего ведь не знаю.

~~~~~  
– Я должен благодарен быть тебе... за всё!  
~~~~~

***

~~~~~  
– За то что вечно жду конца и смерти – а для чего?  
В чём смысл жизни той что мне дана Тобой?  
~~~~~

Мужчина лет тридцати, нагой, смуглый от солнечного загара, со свёрнутым выцветшим фиолетовым плащом, переброшенным через плечо, стоял в круге посередине куполообразного зала Храма под висящим над его головой на цепи колоколом. Вокруг него снизу от пола начал образовываться световой голубоватый вихрь, поднимающийся вверх. Он своим светом скрыл от глаз всё вокруг мужчины, и тогда прозвучал громкий внятный голос: «Девять-три-восемь». Световой вихрь начал опускаться, вокруг проступали очертания стен большого, но уже бесформенного каменного зала, перед ним стоял в ожидании такой же высокий в белых одеждах Смотритель, как и в Храме.

– Следуй за мной, – с лёгким поклоном головы сказал Смотритель и пошёл впереди мужчины. Они прошли через весь зал и стали спускаться по очень широкой каменной лестнице. Спустившись, они оказались в огромном каменном зале, повсюду посередине рядами стояли колонны, подпирающие на высоте метров тридцати или выше каменный потолок. Конца зала было не видно, его заслоняли уходящие вдаль колонны. Но больше всего поразило мужчину то, он понял, что это была пещера, вырезанная прямо внутри скалы. Было холодно и довольно светло, но откуда шёл свет было не понятно.

Из-за колонны к ним навстречу вышел среднего роста мужчина, выглядел он лет на сорок или чуть старше, но, пожалуй, его возраст как-то было не определить. В такой же одежде от шеи до пола, как и у Смотрителей, но значительно проще, из обычной грубой ткани сероватого оттенка. Он подошёл к ним, Смотритель отступил в сторону, опустил глаза в пол: «Восьмой», – сказал он коротко и застыл. Тот остановился метрах в пяти от них, у него были правильные черты довольно красивого лица, почти без морщин, глаза глубокие, умные и они немного, совсем чуть-чуть, как будто светились изнутри. В его лице и вообще во всем его облике ощущалась какая-то внутренняя грусть и усталость, а может даже печаль.

– Меня зовут Георгий.

Георгий, какое-то время размышляя, молча рассматривал восьмого. Откуда-то из далека в голове восьмого появилось ощущение небольшой боли, она начала понемногу нарастать или приближаться. Он автоматом одним сознанием отключил боль, но она, перепрыгнув через

поставленный барьер, буквально обрушилась на голову восьмого. Боль была резкой, как будто в голову отовсюду били разряды молний. Восьмой сосредоточился на источнике боли, не сопротивляясь, а наблюдая за ней со стороны и одновременно стараясь успокоить своё сознание, не поддаваться панике, в которой он отчасти находился. Но в этот момент снизу в живот ударила мягкая ядовитая волна и его сразу стало ужасно мутить, да так сильно, что он невольно весь скрючился и чуть не упал. И всё равно он держался за своё ослабевающее сознание, из последних сил, не просто цепляясь за него, а стараясь, по возможности, его контролировать. Резко всё прекратилось, восьмой застыл и с облегчением выпрямился в упор и с нескрываемой злостью глядя в глаза Георгия.

– Твой код – восемь, располагайся, завтра приступим к работе, – Георгий развернулся к ним спиной и медленно стал удаляться. Смотритель рукой показал восьмому следовать за ним, они подошли к боковой стене и прошли в скрытый от глаз очень узкий и низкий проход, который почти не был заметен, пройдя по нему по очереди метра два они вошли в просторную и очень высокую комнату. На противоположной стене от входа, от пола до потолка было окно метра два шириной, сбоку стояла деревянная кровать, на противоположной стороне вдоль стены – деревянные большой стол и кресло, рядом один стул. В углу, вырезанная прямо в стене большая глубокая ванна, а из стены торчали два крана холодной и горячей воды.

– Оденься, – Смотритель подошёл к кровати, на которой лежала одежда, на полу стояли высокие со шнуровкой и на толстой рифлёной подошве башмаки. Он помог восьмому одеться в специальный рабочий комбинезон такого же серого цвета, как и у Георгия, с большим количеством карманов и отсеков, потом Смотритель ушёл. Восьмой, сев на кровать, сразу начал изучать содержимое бесчисленных карманов. Там были различные инструменты, блокнот, ручка, аптечка и ещё разные мелочи, о предназначение которых он даже не догадывался. Потом восьмой встал и подошёл к окну, видимо оно было закрыто какой-то тонкой невидимой прозрачной не продуваемой плёнкой. Там далеко до горизонта возвышались снежные вершины гор. Солнце постепенно клонилось к закату и в комнате становилось темно. Осматривая комнату восьмой заметил, что у выхода на стене на уровне груди расположена кнопка, нажав её загорелся свет и в комнате стало светло, но откуда шёл свет было опять не понятно, всё светило как будто отовсюду сразу. Такие же кнопки он увидел на стене рядом с кроватью у изголовья и рядом со столом, нажав их – свет загорелся от невидимого источника только над столом или кроватью. Оставив включённым свет только над столом восьмой сел в кресло, достал блокнот, ручку и положил их на стол, потом он погрузился в свои невесёлые размышления, отрешённо глядя в каменную стену перед собой.

~~~~~  
– Скажу тебе раз задал ты вопрос себе  
Мне ничего не надо веришь слову  
Тебе она дана лишь для того чтоб насладиться ею  
Для радости она для созидания дана.  
~~~~~

Через некоторое время, так ничего и не написав, он положил блокнот и ручку обратно в карман комбинезона, выключил свет и лёг, не раздеваясь на кровать, поверх одеяла. Ему снился солнечный летний день, зелёный берег реки или канала, а он почему-то старался убить какого-то врага и ни как это не получалось..., в голове звучал громкий звон, и он бежал к кому-то в сторону от врага....

Восьмой проснулся резко от очень сильного внутреннего толчка, от которого он буквально вылетел с кровати на пол, было абсолютно темно и гремел звонок. Спросонья, ещё ничего не понимая, восьмой на ощупь включил свет. Наконец сообразив, что надо быстро

выйти из комнаты, он протиснулся боком в проход в стене и стал пробираться к выходу. В зале отовсюду бежали в таких же комбинезонах, как у него, люди и быстро строились в шеренгу по росту. Восьмой сразу сообразил, что, отойдя сейчас от стены, он уже не найдёт вход в свою комнату, потому он молниеносно отсчитал количество колонн от лестницы до той колонны, за которой был проход в его комнату и сразу встал в шеренгу. Краем глаза, почти автоматом, восьмой отметил для себя, что в строю примерно человек тридцать. Все замерли, звонок умолк. Перед ними стоял, в таком же комбинезоне, как у них, Георгий. Глаза его сегодня были совсем другими, не теми, которые видел восьмой вчера, сегодня они были серые, стальные и безжалостные, он смотрел на всех не как на людей, а скорее перед ним были аппараты, бездушные роботы, которым он просто отдаёт команды.

– С этого момента вы все в моей полной власти, наши отношения укладываются в одно слово – борьба. Вы все будете бороться со мной, а я с вами. Останется только один! Распорядок следующий: в четыре подъем, в пять построение, потом работа, после полуночи комнату не покидать. Сколько утром вышло – столько же вернулось, независимо ни от чего. Вопросы есть?

– Есть, – раздался чей-то голос, но сразу же спросивший, схватившись за горло, стал медленно оседать и упал, корчась на полу от боли.

– Ещё вопросы? – Стояла абсолютная тишина! – На выход, в колонны по трое.

Подхватив под руки уже поднимавшегося с пола спросившего, все быстро строем пошли к лестнице. Восьмой понял, что он проспал своё время с четырёх до пяти и потому на весь день остался голодным. Всё происходило как-то быстро, точно и мозг восьмого бешено работал, пытаясь разобраться в ситуации. Строем они начали подниматься по лестнице, по той с которой вчера восьмой спустился в зал, Георгий шёл позади и в этот момент восьмой почувствовал на себе острый и неумолимый взгляд ему в спину, такой, от которого у него всё похолодело внутри. Такой ненависти и злобы по отношению к себе восьмой ещё не испытывал никогда – это была угроза, смертельная угроза. Враг бросил вызов, и он не отступит, а станет медленно и с наслаждением делать всё, чтобы восьмой погиб, неминуемо, причём, чем более мучительной будет смерть, тем врагу лучше. Он будет добиваться именно мучений, он исчадие ада, воплощение зла, вспомнились ему давно ещё сказанные слова библиотекаря.

Строй поднялся по лестнице и остановился в нерешительности на большой площадке наверху, не зная куда теперь идти, вокруг были одни каменные стены. Георгий поднялся за ними, вышел вперёд и пошёл влево к дальней от них стене. Каменная стена начала медленно, сотрясая каменный пол где-то глубоко, отодвигаться в сторону и когда Георгий подошёл к ней, то перед ним уже был открыт выход из пещеры, но такой большой, что в это невозможно было поверить, наверное, Титаник смог бы свободно поместиться в нём не задевая стен. Все стояли поражённые увиденным, Георгий казался крошечным в каменном проёме, он вышел наружу и остановился, глядя вдаль. В этот момент все неожиданно оживились и побежали, сохраняя строй. Они выбежали из пещеры, перед ними расстилась большая каменная и гладкая долина, был очень сильный мороз, холод сразу начал охватывать восьмого беспрепятственно проникая сквозь комбинезон. Хотя было ещё темно, но видно все вокруг было, как ни странно, довольно хорошо. Восьмой уверенно бежал вместе со всеми, практически не отвлекаясь на то, чтобы хоть бросить взгляд на окружающие его панораму, всё его внимание было сосредоточено только на том, чтобы держать строй. Бежали почти в ногу. Пересекли плато, когда начало светать. Пробежали по небольшому ущелью, в конце которого выбежали на открытое пространство – перед ними расстились горы до горизонта и там далеко всходило солнце. Вдруг они неожиданно перешли на шаг и начали спускаться. Восьмой увидел, что сразу от ущелья началась довольно широкая дорога, выложенная очень ровно из разного размера плоских камней, как мозаика. Дорога шла вниз, и они строем шли пешком, потом начался подъем, они строем сразу побежали, опять спуск – пешком, подъем – бегом. К полудню солнце начало сильно припекать, стало жарко. Восьмой уже так устал, что с трудом мог воспринимать окру-

жающее, он смутно различал только дорогу под ногами и ноги впереди бегущего, как на привязи. Всё его сознание практически отключилось, и он как все, то бежал, то шёл, подчиняясь только общему движению, ничего не понимая и не воспринимая: куда, зачем, где? Неожиданно строй свернул в сторону от дороги и пошёл по бездорожью, даже не пошёл, а полез через большие острые камни, но стараясь, как могли, не нарушать строй. Через час, уже падая от изнеможения, они вышли к горному озеру, сразу встали с большим трудом, но всё также вытянувшись в струнку строем на его берегу. Оно было гладким, как зеркало, шириной метров двести или чуть больше.

– Раздеться, переплыть озеро и вернуться.

Голос Георгия восьмым даже не воспринимался, он его, наверное, даже не слышал, у него двоилось в глазах и чудовищно болела голова, как будто молот бил внутри неё. Скорее интуитивно поняв приказ, он судорожно сразу начал раздеваться, как все, даже не сознавая, что конкретно надо делать. Он плыл и плыл, взмахивая руками в ледяной воде, захлёбываясь, кашляя, останавливаясь без сил, и снова плыл, как заведённый. Плывя обратно, как в чёрном тумане, восьмой рукой ударил кого-то под водой. Он не видел кто это, но восьмой остановился и стал ощупывать руками что-то, это была чья-то голова, он постарался схватить того за волосы и когда уже потянул вверх, то неожиданно ударился очень сильно коленом об острый, непонятно откуда взявшийся, камень под водой. От неожиданного удара волосы выскользнули из рук, но он тут же схватил тонущего за руку, тот даже не цеплялся, но он всё равно потащил того наверх и сразу, ещё сильнее, опять коленом ударился о тот же камень. Восьмой судорожно оглядывался и как он не пытался нащупать что ни будь под водой ничего не было, только вдалеке впереди и позади всплески плывущих людей. До берега было ещё не менее ста метров, в голове мелькнула мысль, что нельзя останавливаться, надо шевелиться, пусть медленно, но не стоять, иначе сведёт от холода ноги или руки, он поплыл к берегу. Кое-как, ничего не чувствуя, восьмой всё-таки добрался до берега. Он не смог встать на ноги, а просто выполз, опираясь на локти, на половину туловища из воды и так остался лежать на какое-то короткое время без сил на камнях. Восьмой видел, что многие лежат, как и он на берегу, не в силах подняться, а некоторые уже одеваются, он попытался встать на ноги и почувствовал острую боль в колене. Опираясь на руки и одну ногу доковылял до своей одежды и сел на камень, рассматривая колено. Ощупал его и осторожно сгибая убедился, что колено не сломано, просто сильный ушиб и небольшая, но глубокая резаная рана. Хорошо, что так, думал про себя восьмой, колено в ледяной воде не распухло от естественной заморозки, он быстро открыл карман комбинезона и достал пакет аптечки. Вчера, рассматривая содержимое карманов, он знал, что внутри и помнил – там лежит тюбик с мазью, которая очень хорошо помогает при сильных ушибах. Быстро продезинфицировал рану, втёр мазь в ушибленное место и натянул небольшой стягивающий бинт, потом одел комбинезон и сидел на камне, пока остальные ещё доплывали и одевались. Как только последний оделся все сразу построились и начался путь в обратную сторону. Восьмой старался как-то мысленно заглушить боль в ноге, но это не получалось, нога плохо слушалась, её постоянно и неожиданно сводили судороги, было ощущение, что она отнимается, от этого он всё время оступался, спотыкался и нарушал строй. Один раз, оступившись, упал на руки и сразу получил сзади сильнейший удар в спину, как будто тонкой палкой или плетью. Удар был очень точен, «в наиболее болезненную точку», – автоматом в мозгу восьмого сама собой отпечаталась мысль. В глазах от боли потемнело он ударился лицом обо что-то твёрдое и одновременно почувствовал, как его, не сбавляя шага, быстро подхватили под руки и рывком поставили на ноги. Он снова, как мог, держался в строю, по лицу текла кровь. Вдруг, на середине пути строй замер. Георгий прошёл по склону немного в сторону и остановился.

– Отсюда пойдёт дорога, – и махнул рукой в направлении далеко расположенных заснеженных вершин гор, – начинаем! – коротко и жёстко отрезал он.

Сзади на поясице в комбинезоне располагался большой накладной карман, в котором восьмой ещё вчера видел несколько пар различных рабочих перчаток. Все одели их и начали вручную расчищать от камней широкое пространство, и складывать их в большие кучи в стороне от того места, где будет проходить дорога. Восьмой, как мог, работал наравне со всеми, не показывая виду, что нога практически перестаёт подчиняться. Он старался ступать как можно осторожнее, выбирая место, и ставил ногу, скорее на ощупь, чтобы не оступиться, но всё-таки один раз нога предательски подвернулась, и он упал на бок, выронив большой камень, который нёс в руках. Удар был точен и безупречен, но теперь в самой болезненной точке в живот. Восьмого жёстко скрючило от невыносимой боли, в голове стоял звон, как будто он одновременно головой со всего маха влетел в колокол, острая боль держалась некоторое время, потом отступила, восьмой с трудом поднялся, вытер лицо перчаткой, чувствуя, что снова ударился об острые камни лицом. Солнце скрылось за вершинами гор, стало темно и опять очень холодно, все построились, начался путь домой. Со всех сторон раздавались крики от боли и звуки спотыкающихся людей. Строй совсем развалился, он напоминал уже стадо, сбившихся и толкающихся в безумном страхе, с выпученными глазами, животных, которых неумолимый пастух сзади заставляет силой ударами кнута идти вперёд, не обращая внимания на боль, страх и охватывающую животных панику. Но, как ни странно, восьмой вдруг не зависимо от себя, даже не вникая в то, что происходит, преобразился. В мозгу отчётливо воспринималось, что колено болит невыносимо, фиксировалась тупая изматывающая боль, которая распространилась и на бедро, но он совсем вдруг, неожиданно для себя, перестал заботиться о ноге. Совсем! Он перестал обращать не просто на неё внимание, он перестал обращать внимание на себя, вообще, а просто констатировал, что на ногу можно опираться и идти вперёд, идти или бежать. В ботинках ноги горели так, как будто он шёл по раскалённым углям, он отчётливо понимал, что там внутри всё совсем не в порядке – и это тоже его совсем не беспокоило, пусть горят, но он же идёт, бежит. Спереди и сбоку постоянно кто-то оступался или падал, он автоматом подхватывал под руку и ставил их на ноги и снова шёл, бежал..., а в голове, как метроном под каждый шаг звучал выбранный им ритм: «Идти, идти..., идти..., иди, иди..., иди!». Всё отошло куда-то в сторону, как мешающее: и силы, и боль, и смысл, и понимание..., осталось только сознание, которое ничего не чувствуя, не обращая на восьмого никакого внимания, просто отдавало приказы телу, а оно безропотно подчинялось и почему-то вдруг перестало сопротивляться, а наоборот помогало, будто знало само, что ему надо делать и как.

~~~~~  
– Творить..., ведь это лишь иллюзия Тебя  
Чтоб просто оправдать своё существованье.  
– Не надо ничего мне от тебя!  
– В твоих словах лишь заточенье  
В труде Ты видишь радость данную Тобой  
Бесплотный дух паря в бескрайнем море бытия  
Познать хотел Ты – или Я!?  
– Но в этом лишь твоё желанье!  
~~~~~

Спустившись с лестницы строй навтыяжку неподвижно стоял перед Георгием. Восьмой неотрывно смотрел тому в лицо. Обводя взглядом своими стального цвета глазами строй, Георгий останавливался, не торопясь, на каждом отдельно. Восьмой с громадным внутренним напряжением ждал этого взгляда, того момента, когда подойдёт его очередь и он остановится на нём, как последнего в своей жизни, к которому он готовился – взглядом врага перед последним и решающим боем. Они посмотрели друг другу в глаза так, как будто скрестили мечи. Взгляд

Георгия застыл в спокойном ожидании... восьмой опешил, никакого удара, наоборот, это он сам нанёс удар «мечом» по нему. В какой-то неуловимый миг ему померещилось, что перед ним сейчас стоит глубокий старик с длинными белыми свободно ниспадающими по плечам волосами и длинной бородой, глаза у старика яркие, живые, совсем как у молодого и одновременно мудрые, смотрели на него скорее с любопытством, чем с осуждением или тревогой. Но чего уж совсем в них не было, так это угрозы, жестокости или злобы – совсем! Глубоко в груди восьмого раздался еле ощутимый вздох, чего-то живого, неуловимого и сразу скрылось, даже не показавшись. Но это видение длилось лишь бесконечно малое мгновение, в тот же миг он столкнулся со взглядом убийцы: циничного и беспощадного, прекрасно знающего слабые стороны своей жертвы. Удостоверившись, что восьмой всё понимает, он с усмешкой превосходства перевёл взгляд на следующую жертву.

Все разошлись, восьмой отсчитав от лестницы свою колонну, пробрался к себе в комнату, зажёл свет и осторожно сел на стул, вытянул ноги. Посидев, не шелохнувшись несколько минут, он заставил себя раздеться. Стащив ботинки, констатировал, что ноги стёрты до костей, там не было живого места, колено, благодаря быстрым и грамотным его действиям на берегу, как раз было в более-менее сносном состоянии. Оглядев себя и ощупав, но, как ни странно, больше повреждений не нашёл, даже на лице было лишь несколько синяков и оно, пусть сильно, но не критично расцарапано. Он набрал в ванну воды и уже собирался лечь в неё, но остановился, что-то вспоминая. Начал искать в карманах комбинезона и, в конце концов, в одном из них нашёл белый водонепроницаемый пакет, в котором лежали мешочки с засушенными травами. Один из них он высыпал в ванну, размешал, дал немного настояться и только затем лёг в воду. В воде, расслабившись, восьмой на некоторое время отключился, перестав воспринимать окружающий его мир, как реальность.

~~~~~  
– Узреть себя как в зеркале? Не знание всё это  
Тщеславие своё лишь скрыл ты от людей.  
~~~~~

Очнувшись, он вылез из ванны и, не одеваясь, лёг поверх одеяла на кровать. Холода не чувствовал. Он пытался вспомнить, что у него сегодня, вроде даже вечером, в голове мелькнула какая-то мысль, очень важная, которая ему необходима, но вспомнить не получалось. Он только запомнил ощущение, что что-то не так, причём буквально даже всё не так, а что это было, о чём, он не понимал. Достав аптечку, восьмой разложил всё её содержимое на кровати и стал себя лечить. Продезинфицировал и смазал раны, забинтовал ноги. Приведя себя, как ему показалось в некоторый порядок, восьмой вышел из своей комнаты в зал с колоннами, напротив стоял Смотритель.

– Где кухня? – спросил восьмой, Смотритель с небольшим поклоном, ничего не отвечая, а только приглашая рукой, провёл его до колонны, за которой в стене виден был высокий арочный проход в большую комнату с длинным столом.

Восьмой поблагодарил и уже собираясь уходить, вдруг неожиданно остановился в нерешительности, потом, обернувшись, спросил: «Библиотека есть?». Смотритель, также ничего не отвечая, опять чуть поклонившись, пригласил жестом следовать за собой. Пройдя вдоль колоннады, он остановился у высокой деревянной двери, очень похожей на вход в библиотеку Храма, только значительно выше. Восьмой открыл дверь и вошёл, было темно, нащупав сбоку кнопку выключателя нажал, свет загорелся, осветив просто гигантскую библиотеку. Высотой метров десять, стеллажи с книгами, уходящие вдаль, лестницы на второй и третий этажи, которых было не видно, столы повсюду с рукописями. Восьмой остановился поражённый увиденным и не совсем понимая, как здесь возможно что-то найти. Потом просто повернулся к стоящему

позади него Смотрителю и что-то прошептал тому на ухо. Смотритель учтиво поклонился и неслышно очень быстрым шагом ушёл вглубь библиотеки и практически сразу вернулся, держа в руке небольшую книгу. «Я могу её взять с собой к себе в комнату?», – спросил восьмой. Смотритель лишь молча кивнул в ответ.

~~~~~  
– Я время дал тебе отныне – возьми своё!  
Ты проживёшь лишь то что сможешь обрести как путь  
Захочешь быть собой – так будь им  
Ты сам всё будешь делать для себя – не жди Меня  
Не упрекай и не старайся быть полезным  
Признай себя – что ты или откуда кто ты и кем ты стал!  
Всё здесь твоё Я лишь приму о чём ты умолчишь.  
~~~~~

Выйдя из библиотеки восьмой, немного пройдя, остановился у стены, опираясь на неё рукой. Боль в ногах была очень сильной, он уже жалел о том, что решил найти библиотеку, лучше бы он сейчас лежал и дал бы им отдохнуть, потому что от завтрашнего дня не стоило ждать ничего хорошего. И зачем ему сейчас книга, он даже сам не понимал и не мог объяснить свой поступок. Он почувствовал какое-то движение, слышно было, что кто-то шёл по залу. Восьмой притаился за колонной у стены, в проёме между колоннами, вдалеке посередине зала показалась фигура Георгия, в своём светло-сером до пола балахоне. Он шёл, заложив руки за спину и погруженный, как видно, в глубокие размышления. Поравнявшись с колонной, за которой притаился восьмой, он остановился и не поворачивая головы застыл неподвижно. Восьмой чувствовал – Георгий знает, что он здесь и не глядя смотрит на него, но постояв несколько секунд, Георгий пошёл дальше, не обращая больше ни на что внимания.

~~~~~  
– О чём же я по-Твоему молчу?  
Не думаешь ли Ты что я поверю и бескорыстие приму  
Тебе открыл мечту – мне радость лишь мешать Тебе!  
– Мешать..., и что потом?  
Не сможешь ты ничто нарушить  
Лишь потеряешь путь к себе  
Не сможешь обрести Меня!  
~~~~~

Добравшись, наконец, до своей комнаты, погасив свет, восьмой лёг в кровать и накрылся с головой одеялом, положив книгу рядом на подушку. Он не собирался читать или вообще что-то делать. Он сжался в комок и застыл так под одеялом в темноте, глядя опустошённым бездумным взглядом в пространство тьмы, лишь наблюдая со стороны на то, что было единственным сейчас в его жизни: как болят его ноги, лицо, как ноет и ломит от усталости всё тело. Потом, через некоторое время, в голове начали проноситься, независимо от его желания, образы, пустые фразы, мысли. На сердце было очень тяжело, даже невыносимо горько. Эта скопившаяся горечь сейчас вдруг накрыла незащищённого восьмого, а он даже не пытался сопротивляться ей: «Почему в моей жизни всё так плохо? – спрашивал он себя, – почему я не могу жить, как все обычные люди? Почему я всё время чего-то жду? Чего мне ждать? От кого? – восьмой чувствовал, что сейчас расплечется, комок в горле душил его, – Мама..., ну что я такого сделал, что..., где ты...? – восьмой чувствовал, что слезы всё-таки стоят в глазах.

Он много раз в своей жизни силился вспомнить её и не мог, только что-то тёплое, ласковое..., она держит его на руках, говорит ему что-то, смеётся и целует его в лоб, щёку, прижимает его к себе..., и каждый раз все воспоминания на этом обрываются... – я завтра утону, – восьмой вспомнил, как он хватал кого-то за руку, которая была уже мертва, – просто утону и всё закончится. Я никому не нужен! Никто не пожалеет обо мне..., и мне никого не жаль. У меня ничего нет и никого..., даже имени..., только инвентарный библиотечный номер, – он представил, как нырнёт незаметно под воду и будет со всех сил плыть вглубь, чтобы больше никогда не всплыть..., – завтра...».

~~~~~  
– Мне в жизни цель – чтоб погубить Тебя!  
В противоречии к тебе найду я радость что дал Ты мне  
Во всём что сделать Ты задумал или обрёл я разрушать лишь стану  
Не помогать не следовать во всём чем занят Ты а погубить!  
Вот Твой удел в моём стремление к Тебе!  
~~~~~

Вдруг неожиданно прозвенел не громкий звук гонга. Полночь, решил для себя восьмой, значит в четыре тоже будет гонг, не просплю – последний гонг в его жизни, с некоторой решимостью, констатировал он.

Во сне восьмой стоял среди множества людей и все кого-то ждали, глядя в сторону. Из-за поворота то ли дома, то ли скалы вышла средних лет женщина с прямыми тёмными волосами и направилась к нему. Все расступились, улыбаясь ей, а она ни на кого не глядя, только смотря на восьмого, подошла к нему и поцеловала его в щёку... «мама...».

~~~~~  
– Ты хочешь погубить всё что задумано?  
– Не всё что сделано тобой...  
Тебя я погубить надеюсь!  
~~~~~

Восьмой проснулся резко, как от толчка. Было очень холодно, подушка заиндевела, изо рта шёл пар, вокруг было абсолютно черно. Восьмой лежал не шевелясь, глядя в черноту, и внутри него была чернота, он с ней слился и ждал гонга – как приговора.

Раздался гонг, восьмой резко повернулся в постели и включил свет, с подушки что-то упало. Наклонившись, восьмой увидел, что книга, падая, раскрылась и лежит текстом вниз на каменном полу. Он застыл на некоторое время, раздумывая, потом осторожно взял книгу, не закрывая и начал читать первый попавшийся на глаза текст с начала абзаца: «... *Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю – даровой обед в Пританее».*

Дочитав до конца, восьмой немного подумав, вдруг горько усмехнулся, покачивая головой и глядя куда-то ввысь. В груди опять появилось это тонкое неуловимое чувство грусти и необъяснимого бесконечно далёкого счастья, совсем крохотного, но счастья: «Я здесь... – громко шёпотом сказал он, кому-то вверх, со злостью и решимостью, – слышишь, Ты! Здесь я – вот он... , весь перед тобой...», – потом видимо хотел что-то добавить, но передумал.

Восьмой быстро оделся, намазал мазью ноги и снова забинтовал их, с трудом натянул ботинки. Было больно, но он с абсолютным равнодушием воспринимал её и всё вокруг. Как заведённый он вымылся и вылетел в кухню, ни на кого не обращая внимания взял свою порцию, не разбирая вкуса запихал в себя, как можно больше еды и вернулся в комнату. Он неподвижно сидел на стуле уставившись взглядом в одну точку и ждал звонка.

Стена открылась, они выбежали из пещеры, мороз был лютый. Дышать было трудно, восьмой натянул как можно выше на лицо ворот комбинезона и старался дышать внутрь него, ему это удавалось, ощущая хоть какое-то мнимое тепло. Они бежали в два раза быстрее чем вчера, но мороз пронизывал насквозь и согреться не удавалось. Поев впервые за последние двое суток восьмой чувствовал, что у него появилась энергия. Он бежал не из последних сил, как вчера, а уверенно и чётко, как машина. Они не свернули в сторону озера, а пробежали дальше и стали подниматься по змеевидной дороге всё выше и выше. Километр за километром дорога всё поднималась и поднималась, казалось, что ей не будет конца. Повсюду лежал снег, и они бежали по щиколотку утопая в нём, и всё равно держали как могли строй, хотя измотаны были в конец. Обогнув вершину восьмой увидел далеко внизу маленькое, покрытое льдом, сверкающее на солнце озеро, а дальше за озером в стороне внизу далеко-далеко расстилался перед ними большой город. Восьмой видел только контуры его, он был ровный и круглый, а в самом центре его какое-то очень большое и высокое строение, нити улиц стремились к нему или от него, напоминая паутину. Но сразу же дорога резко свернула в сторону, начался спуск, и все перешли на шаг. Город скрылся за камнями. Спускаясь сверху, восьмой увидел внизу, как на ладони, развилку дорог, откуда вчера они начали расчищать от камней пространство для строительства новой дороги. Но с высоты отчётливо было видно, что она не новая, как он думал вчера, чётко было видно, что там уже раньше проходила дорога, только она сейчас была завалена камнями и угадывались только общие, но чёткие контуры её. Значит, нам надо расчистить от камней, отремонтировать основание и положить сверху новое покрытие, такое же, как то, по которому они сейчас идут. Контур будущей дороги уходили куда-то в сторону от города, далеко в горы.

Еле живые они добрались до развилки и сразу приступили к работе. Георгий не давал никогда и никому ни секунды на отдых или передышку. Большинство рабочих видимо ещё не смогли полностью восстановить силы за ночь и уже совсем измотались от такого перехода, который они уже проделали. Все еле двигались и скорее напоминали не рабочих, а понурое и неуклюжее передвижение мертвецов, то там, то здесь слышались падения и болезненные вскрики от ударов. Атмосфера была более чем гнетущая, восьмой, как мог, держался, сил пока ему хватало. Они расчищали дорогу от камней и складывали их в большие кучи в стороне. Один рабочий, уложив сверху на груду камней большой плоский камень, стал осторожно спиной спускаться вниз, опираясь руками о камни и повернув голову назад, неожиданно предательский камень соскользнул и с высоты краем упал ему прямо на руку. Раздался сильный треск и истошный крик, все в оцепенении обернувшись смотрели, как тот стоит на коленях и смотрит на свисающую вниз сломанную руку, он был в шоке и видимо не понимал, что произошло. Восьмой всем своим существом резко почувствовал ту боль и то тяжёлое состояние, которое, наверное, испытывал сейчас не только рабочий, но и остальные. Все на какое-то мгновение замерли и только смотрели, не зная, что предпринять. Из-за спин сразу вышел Георгий и спокойно подошёл к рабочему. Не обращая на того никакого внимания, он расстегнул комбинезон и резко стащил рукав с руки, затем одним движением с жутким треском соединил сло-

манные кости, как соединяют сломанную ножку от стула, и сразу зафиксировал руку жёсткой лангетной, которую перед этим достал из своего кармана, потом натянул рукав комбинезона обратно на руку и застегнул его. Рабочий лежал на камнях без сознания от боли. На всё ушло не более десяти секунд.

– Каждый будет заниматься этим сам, – отрезал Георгий, оставив того лежать на камнях и отходя, как всегда в сторону и исчезая из глаз.

Все были не просто в шоке, а было понятно без слов, что если хочешь остаться целым, позаботься об этом сам. Все снова обречённо приступили к прерванной работе. Когда солнце скрылось за горами и наступила темнота, начался путь домой. Неожиданно строй свернул на перекрёстке не на ту дорогу, по которой они возвращались вчера, а на ту, по которой они сегодня шли утром. Восьмой понял, что живыми им до дому на таком морозе не добраться, просто не хватит сил. Они шли и шли, хотя в гору должны были бежать, но утопая чуть ли не покалено в снегу это было невозможно. Восьмой только не осознанно видел, что кого-то он держит и тащит за собой справа, старается поддержать, чтобы тот не упал – слева. Он шёл, шёл, как в бреду и все равно шёл, когда вдруг неожиданно остановился, как отрезало, больше не было ни капли сил, чтобы сделать хоть шаг. Он тупо упёрся взглядом в стоящий перед глазами туман, и даже не слышал, а только ощущал своё тяжёлое хриплое дыхание и больше ничего. Кто-то взял его руку и положил себе на плечо, и он сделал шаг в никуда, потом ещё один и опять шёл уже без сил и без понимания даже того, что он идёт, движения не было, он потерял ощущение времени, пространства, мысли, чувства – их больше не существовало..., больше не существовало ничего, даже он сам. Восьмой не мог понять и вспомнить, как он очутился в зале, в строю и смотрел в глаза Георгию. В них не было ничего, он не понимал того, что он сейчас смотрит кому-то в глаза, будь то Георгий или кто угодно. Отсчитав от лестницы автоматом свою колонну, восьмой протиснулся в проход к себе в комнату и остановился, опершись о край каменной ванны. Ноги не слушались, он включил воду в ванну и, шатаясь, опираясь руками о край ванны дошёл до стула, сел и сразу начал раздеваться, отдавая себе команды каждому движению, как ему казалось, вслух. Что дальше было, он опять не отчётливо помнил, но чувствовал, что лежит в горячей воде и постепенно оживает, приходит в себя.

~~~~~  
– Я ждал что в помощь Мне... надеялся напрасно  
Что против всех моих начал не верю Я тому  
Ты спорить лишь готов к делам же пагубным ты не способен  
Ведь даже чтоб разрушить не то что погубить энергия нужна  
Где взять её – как только у Творца но ту что созидает!  
~~~~~

Раздался звук гонга. Восьмой вылез из ванны и лёг поверх одеяла на кровать. «Мы не могли прийти за это время по той дороге, значит, всё-таки, где-то срезали, или есть ещё вход, с другой стороны», – вертелась в голове восьмого навязчивая мысль. Почувствовав, что начал после горячей воды замерзать, залез под одеяло. «Мы не живые и не мёртвые, мы никто, и почему мы знаем, что надо делать и куда идти, откуда? Он же не говорит ни слова, но мы, точно всегда не сговариваясь, как один, всё знаем заранее... и выполняем... почему...?», – это была последняя, пробившаяся сквозь сон, мысль восьмого.

~~~~~  
– Не только – я убеждён в обратном!  
Ты думаешь что создал Мир таким как Сам?  
~~~~~

Восьмой ясно услышал звонок. Даже не проснувшись до конца, он молниеносно вскочил, включил свет и как ураган, одевшись, вылетел в зал. Было пусто, никого не было. Восьмой стоял, не веря своим глазам, в этот момент раздался чёткий и громкий звук гонга. Он сразу направился в кухню, запихав в себя, как можно больше еды, восьмой вернулся в свою комнату и сел в кресло за стол. Достал блокнот и ручку, начал быстро в нём что-то записывать. Он неотрывно писал в блокноте, пока не раздался звонок. Сложил блокнот и ручку в карман комбинезона, вышел в колонный зал, сразу было видно, что строй стал меньше, нескольких человек не было.

Они выбежали из пещеры и по прямой, уже никуда не сворачивая, по снегу добежали до развилки и сразу приступили к работе. Снега было немного, но он всё равно очень затруднял работу. Самым большим мучением был холод, от ледяных камней руки немели, не спасали и перчатки. Они расчищали от камней дорогу, не прерываясь целый день. На следующий день – то же самое. Так, день за днём, неделя за неделей, не прекращая и не видя конца, они ворожали ледяные камни, складывая их в большие кучи. Хотя работа была крайне изнуряющей и монотонной, всё же по вечерам у восьмого теперь оставалось пусть немного, но свободного времени почитать, а утром до звонка он успевал даже немного что-то записать в своём блокноте. Все втянулись в налаженный график и потому работа спорилась. Постепенно день прибавлялся и становилось с каждым днём всё теплее и теплее. И вот настал день, когда строй пробежал мимо развилки дорог и побежал не в сторону строящейся дороги, а направился в сторону озера. Выбежав на берег стало ясно, что сегодня озеро полностью освободилось ото льда. Все разделись и поплыли, как в первый день, до противоположного берега и обратно. Нырнув в воду с головой восьмой даже не понял сначала холодная она или тёплая. На обратном пути, посередине озера он остановился и, опустив лицо в воду, замер на поверхности, глядя вниз в чёрную бездну. Вот сейчас нырнуть туда вглубь и плыть, плыть, чтобы никогда больше не всплывать, вспомнил он. Не это ли в тот первый день было его желанием, что же изменилось с тех пор, почему вдруг он в нерешительности, ведь он же ждал этого момента, а теперь не мог сделать то, что задумал, что-то его останавливало, восьмой решительно поплыл дальше к берегу. Работая целый день, одновременно он раздумывал о том: что же произошло, что в его жизни изменилось? Почему все его желания, мысли, чувства, куда-то делись и он даже вспоминает о них, как о чём-то постороннем, чужом, не его? На первый взгляд, как будто ничего не произошло, но ведь изменилось, и это он сегодня в воде отчётливо почувствовал. Почувствовал, что-то новое, пока он это не мог понять, но что-то очень важное. Вечером, немного отдохнув, несколько взбудораженный своими дневными мыслями, впервые за всё время, проведённое у Георгия, восьмому захотелось выйти из своей комнаты и просто пройтись по колонному залу, просто где-то побыть кроме своей комнаты и кухни. Понимая, что у него есть не более двадцати минут до гонга восьмой вышел в зал и сразу остановился в нерешительности, потом осторожно вышел на середину и медленно пошёл в сторону библиотеки. Десять минут в одну сторону и десять, чтобы вернуться. Он чувствовал сильное волнение, ему казалось, что этот его поступок, может рассматриваться Георгием, как излишняя вольность. Он будет неминуемо наказан... но он готов к наказанию, пусть, но эти двадцать минут, как глоток свежего воздуха, пусть даже в такой примитивной форме, как просто пройтись, погулять по залу, хоть двадцать минут, но они пока его, может последние. Он прошёл кухню, позади осталась дверь библиотеки. Он довольно далеко уже отошёл от неё, когда понял: всё, десять минут закончились, пора возвращаться. Подходя к дверям библиотеки, он услышал, как дверь открылась и захлопнулась, из неё кто-то вышел. Повернув голову восьмой увидел, что от библиотеки прямо к нему идёт Георгий. Сначала мелькнула шальная мысль убежать, потом – просто пройти мимо, как ни в чём не бывало, но он не сделал ни того, ни другого, а застыл по стойке смирно и ждал, глядя

на подходящего к нему Георгия. Тот подошёл, остановился напротив, спокойно и несколько задумчиво посмотрел на восьмого, при этом совсем не удивляясь, что застал его здесь.

– Ты шёл к себе в комнату? – Георгий жестом показал в сторону лестницы, – пойдём. – Они не торопливо шли рядом и молчали, сердце от волнения у восьмого почти остановилось, он не знал, что делать и как быть и почти не дышал. – Я хотел бы с тобой, если не возражаешь, завтра вечером поговорить, вот по какому вопросу..., – Георгий шёл рядом, заложив руки за спину и глядя не перед собой, а куда-то далеко вперёд, – в книге, которую ты иногда по вечерам читаешь, сказано: *«...прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдёшь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, ... которые в своей жизни отличались справедливостью. Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если всё это правда.... И, наконец, самое главное – это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр. Чего не дал бы всякий, о мужи судьбы, чтобы узнать доподлинно человека...»*, – мне интересно было бы услышать твоё толкование того, что он имел ввиду, сказав всё это, зачем? Особенно то место, где он говорит, что желает умирать много раз?

Они подошли к проходу в комнату восьмого, в этот момент раздался звук гонга, Георгий обозначил еле заметный поклон головы, развернулся и направился в обратную сторону, всё также заложив руки за спиной. Восьмой в растерянности и полном недоумении смотрел вслед уходящему от него Георгию. Потом прошёл к себе в комнату и сразу лёг в кровать. Лёжа под одеялом, свернувшись калачиком, он чувствовал, как его трясёт от пережитого волнения, как в лихорадке.

– Он хочет со мной поговорить, и о чём? О том, о чём же я сам думаю, у меня даже сложилось определение представление о том, что лежит в основании, за сказанным. Ведь слово только оболочка, а что внутри, и он вдруг неожиданно спросил меня именно об этом. Просто, обычно, но в то же время, как разговаривают с человеком, которого уважают и ценят его мнение, а не как господин с рабом, вот что странно, он говорил со мной на равных.

На сердце у восьмого было как-то очень хорошо, весело и волнительно. Впервые за долгие годы он заснул спокойно, не ожидая чего-то плохого и не опасаясь никого, а даже с улыбкой.

Прибежав утром к развилке Георгий остановил строй, спустился по тропинке чуть ниже дороги и немного в стороне в скрытой за поворотом отвесной стене открыл широкие ворота в пещеру, в которой лежали всевозможные в большом количестве строительные дорожные инструменты. Пройдя дальше к дальней стене Георгий открыл ещё одни ворота, за ними находилась огромная пещера, в которой лежали кучи тёмно-серого, почти чёрного, как порошок, песка или массы и сложенные в штабеля ровные по толщине плоские камни. Четыре человека, в том числе и восьмой, побежали дальше, заканчивая расчищать от камней дорогу, а остальные начали от развилки укладывать, как мозаику, ровный слой песка, а затем камни. Уже с самого утра у восьмого было приподнятое возбуждённое настроение. Обычно он безошибочно просыпался за несколько минут до гонга, потом он либо лежал и ждал, когда тот прозвенит, либо вставал, одевался, мылся и с гонгом сразу шёл к кухне. Сегодня всё было как обычно, за исключением того, что сразу после еды, восьмой пришёл к себе в комнату и открыл книгу на том самом месте, где звучала фраза, которую вчера произнёс Георгий. Восьмой понимал, что ему только сейчас удастся немного освежить в памяти те мысли, которые когда-то возникли в его голове, и он готов был ими поделиться с Георгием. В течение дня, ворочая без остановки тяжеленные камни, не очень-то подумаешь о чём-либо.

Восьмой часто задавал себе один и тот же вопрос, как правило вечером – тогда, в начале, той ночью, когда он достиг некоего порога своих физических сил и остановился, он тогда понимал, что резерв его исчерпан, он его реализовал полностью без остатка, но за ним всё равно что-то есть ещё, иначе он бы тогда не выжил. Он, с тех пор, знает свой физический порог, за

который переступать нельзя. Но каждый день, работая, он соизмеряет каким-то образом свои силы так, что, добравшись до своей комнаты, всегда стоит на пороге резерва, перед ним, но не переступает его и, в то же самое время, не бережёт его. Но, почему? Почему никогда он не старается даже в мыслях сэкономить силы во время работы, а всегда изо дня в день находится на грани остановки перед неким невидимым и неосоздаемым порогом неизбежности, за которым следующий шаг сделать будет уже невозможно!

~~~~~  
– Создателя трудом здесь Мир твой сотворён!  
– Но Ты забыл что время служит мне  
Ты можешь прекратить его или замедлить убив меня  
Но Сам тогда не будешь быть!  
– Ты есть когда есть Я и не иначе  
Вот слово о противоречии твоём!  
– Я без тебя не буду?  
– С чего ты возомнил не весть что о себе?  
Не Я ли создал Мир?  
– Не Ты!  
~~~~~

Перед ними была отвесная стена к вершине, очертания будущей дороги извивались змеёй и пропадали, там, высоко, на небе. Они понимали, что за вершиной видимо дорога заканчивается, иначе их бы не было сейчас всего четверо. Камней на дороге было не много, во всяком случае, значительно меньше, и они были не такими большими, как до подъёма, потому работать было значительно легче. К вечеру восьмой чувствовал, что даже не устал так, как всегда. За день они практически расчистили четверть подъёма, оставалось работы всего на несколько дней, не более. Уже в темноте они добежали до развилки, строй их ждал, и все бегом вернулись в пещеру.

У себя в комнате восьмой быстро вымылся и лёг на кровать поверх одеяла, максимально расслабился, чтобы как можно быстрее прийти в себя, отдохнуть и восстановиться. До гонга оставалось немногим более часа и нужно было торопиться, восьмой не хотел терять время, отведённое неожиданно ему для беседы с Георгием. Он на короткое время по обыкновению, как бы отключился, и буквально через несколько минут встал уже отдохнувшим, направился быстро в колонный зал.

Выйдя на середину зала, он огляделся и никого не увидев, не спеша пошёл по направлению к библиотеке, но неожиданно обернулся, позади него с лестницы спускался Георгий, он был в своём обычном длинном сером балахоне. Восьмой подождал, пока Георгий своим неторопливым шагом не поравнялся с ним.

– Пойдём, выпьем чаю, – Георгий жестом пригласил восьмого следовать за ним. Дойдя до кухни, прямо напротив неё он открыл небольшую деревянную дверь и вошёл в большую комнату, очень высокую. По стенам висели полки, на которых стояло множество стеклянных банок, коробок, пакетов. Посередине комнаты был большой каменный восьмиугольный стол, на нём стояло несколько разной формы чайников. Георгий налил из одного из них чай в две глубокие чашки и одну из них подал восьмому. Чай был горячим, душистым и удивительно вкусным.

– Сюда никто не заходит, а напрасно, чай очень хорошо восстанавливает силы после работы, – Георгий пил не торопливо, с чувством, небольшими глотками, как бы даже размышляя над вкусом после каждого глотка. Восьмой же испытывал просто наслаждение от необъяснимо охватившего его чувства полного покоя. Выпив в молчании чаю, они вернулись в зал и

пошли по направлению к библиотеке. Не останавливаясь, прошли мимо неё, потом прошли то место, до куда вчера дошёл восьмой и минут через пять свернули в боковой высокий арочный проход и метров через сто вошли в гигантскую пещеру. Восьмой застыл от неожиданности, перед ними был большой сад, прямо в пещере. С высокими деревьями, полянами, клумбами, водоёмами, повсюду слышалось щебетание птиц, было влажно и тепло – здесь царило вечное лето.

– Это даже теперь и не сад, а, как видишь, большой лес, в котором не посвящённому легко заблудиться, он простирается в глубь на много, много километров, – Георгий свернул на боковую, вымощенную небольшими каменными плитами дорожку, – мудрец в одной фразе объединил три важные идеи: желаю, умирать и много раз. Что ты думаешь по поводу этих идей? – Георгий смотрел на восьмого.

– Да, пожалуй, это так, но, как ни странно, меня больше поставило в тупик не сама фраза, а её продолжение или окончание: если это правда. Всё им сказанное имеет значение, смысл и природу только если это правда, но как это узнать, правда ли то, что говорят об Аиде и судьях? Кому это ведомо, кто может ответить, кому верить?

– Замечательно, – на лице Георгия появилось, что-то вроде внутренней улыбки, – значит, в том, что сказано для тебя нет сомнений, ты принимаешь идею даже если этого в природе нет, но возможность постичь её остальными людьми для тебя важнее, не так ли?

– Да... – восьмой даже не задумывался об этом когда говорил, это Георгий открыл перед ним сейчас, своим вопросом, это, несомненно, абсолютно так, восьмой был поражён, проникновенным мышлением Георгия, – мы не знаем, а можем только верить в это, что между смертью и жизнью нет никакой разницы для мудрости. В том, в чём заключается то понятие, сказанное им – познать человека! Они одной природы для него, через суд справедливых – это самое важное в его словах... , я так думаю, – несколько смущённо пробормотал в конце восьмой.

– Суд в Аиде, я должен тебя разочаровать, совсем не то, что многие для себя представляют. Суд, по большому счету, простая формальность. Да, как ни странно, обычная формальная рутина и задают там только один вопрос, и от того какой будет ответ зависит не всё, как предполагается, а совсем ничего. Там только обмануть не удастся... , ответ каждый видит сам, он не судьям нужен, а тебе... и всё, больше ничего... , совсем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.